

Литературный быт: сюжеты и судьбы

УДК 82-1

DOI 10.25205/2410-7883-2020-1-291-372

Из литературного быта 1920-х годов: круг журнала «Гермес»

А. Б. Устинов

*Книгоиздательство «Аквилон»
Сан-Франциско, США*

Аннотация

Настоящая работа посвящена кругу авторов, издававших машинописный журнал «Гермес» и входивших в другие московские литературные объединения первой половины 1920-х гг. Содружество выпустило три полноценных номера журнала в количестве 12 копий каждый. Четвертый номер сохранился в виде макета в единственном экземпляре и считался самими участниками «не вышедшим в свет». Впоследствии этот же круг авторов осуществил выпуск машинописных альманахов «Мнемозина» и «Гиперборей». Первая часть статьи восстанавливает историю подготовки четвертого и последнего номера «Гермеса», сопровождавшуюся драматическими событиями, которые были вызваны как внешними, так и внутренними причинами – в первую очередь, смертью одного из создателей журнала, Максима Кенигсберга (1900–1924). Возглавившая из-за сложившихся обстоятельств редакционную коллегию Нина Волькенау (1901–1973?) была вынуждена принять решение о завершении издания «Гермеса». Во второй части работы речь идет о составе авторов № 4, в особенности о пришедших из сообщества поклонников Иннокентия Анненского «Кифара» и литературного кружка «Зеленая лампа», которые дебютировали в этом «невышедшем» выпуске журнала. Здесь же приводится указатель его содержания. В приложении представлены стихотворения участников «Гермеса», напрямую связанные с журналом или посвященные другим «гермесовцам». Третья часть работы дополняет предшествующие научные публикации, касающиеся взаимоотношений редакции журнала с Михаилом Кузминым, материалами «неизданного» выпуска «Гермеса». Оттуда извлечены посвященная книге «Новый Гуль» (Ленинград, 1924) рецензия Н. Волькенау, а также отзыв М. Кенигсберга на сборник рассказов Павла Муратова «Морали» (Берлин, 1923), где много говорится о новеллистике Кузмина. Другая публикация – рецензия Льва Горнунга на посмертное издание сборника Николая Гумилёва «К Синей Звезде» (Берлин, 1923), вариант которой был напечатан в типографском «альманахе поэзии и критики» того же круга авторов, получившем название «Чет и нечет» (Москва, 1925). В приложении приводятся другие отзывы на эту книгу гумилевских посвящений, стихи из которой становились «любовным кодом» для молодых русских читателей 1920-х гг.

Ключевые слова

литературный быт, литературные кружки и объединения, история самиздата, неофициальная культура, М. М. Кенигсберг, Н. В. Волькенау, Л. В. Горнунг, Б. В. Горнунг, М. А. Кузмин, Н. С. Гумилёв

Для цитирования

Устинов А. Б. Из литературного быта 1920-х годов: круг журнала «Гермес» // Сюжетология и сюжетология. 2020. № 1. С. 291–372. DOI 10.25205/2410-7883-2020-1-291-372

© А. Б. Устинов, 2020

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетология. 2020. № 1
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 1

On Literary Environment of the 1920s: The Circle of *Hermes*

A. B. Ustinov

“Aquilon” Books & Publishing
San Francisco, USA

Abstract

The essay reconstructs history of a literary circle of authors united under the auspices of *Hermes*, a typewritten magazine edited in Moscow in the first half of the 1920s. These “poets-philologists” published three full issues of the magazine, 12 copies each. The fourth issue was prepared in just one copy and the authors considered it “unpublished.” Later they edited two typewritten almanacs: *Mnemosyne* and *Hyperborean*. The first part of the essay describes how the fourth and last issue of *Hermes* was collected and edited. Its preparation was accompanied by dramatic encumbrances caused by both external and internal circumstances, the most tragic of which was the death of Maksim Kenigsberg (1900–1924) one of the founders of the *Hermes* circle. Nina Wolkenau (1901–1973?), who took his place as a chief editor was forced to cease the publication. The second part of the essay discusses the composition of authors represented in the fourth issue of *Hermes*, in particular those who joined the magazine from other Moscow literary associations, like *Kifara* and *Green Lamp*. Further, the table of contents of that “unpublished” issue is presented here with necessary commentary. A separate supplement is dedicated to a collection of poems by the authors of *Hermes*, either dedicated to members of this association, or directly related to the magazine itself. The third part of the essay, *Ad-denda ad volumen*, complements previous scholarly incursions regarding the circle of *Hermes* with the unpublished materials from the final issue of the magazine. These are Nina Wolkenau’s review of Mikhail Kuzmin’s book *Novyi Gul’* (Leningrad, 1924), and Maksim Kenigsberg’s discussion of Pavel Muratov’s collection of novellas *Moralí* (Berlin, 1923), where he also wrote about Kuzmin’s art of prose. Another publication is Lev Gornung’s review of the posthumous collection of Nikolai Gumiliov’s poems *K Sinei Zvezde* (Berlin, 1923) Gornung published another version of that review in a printed “almanac of poetry and criticism” *Even and Odd* (Moscow, 1925) edited by the same circle of authors, as *Hermes*. The final supplement includes two other reviews of the Gumiliov’s collection. The émigré publication of *K Sinei Zvezde* was a significant event in the Soviet underground culture. The poems included in this book became a “lovers’ code” for young Russian readers of the 1920s.

Keywords

literary environment, literary unions and associations, history of Samizdat, underground culture, Maksim Kenigsberg, Nina Wolkenau, Lev Gornung, Boris Gornung, Mikhail Kuzmin, Nikolai Gumiliov

For citation

Ustinov A. B. On Literary Environment of the 1920s: The Circle of *Hermes*. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2020, no. 1, p. 291–372. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2020-1-291-372

И. Четвертый и последний

А мы – мы в хворостинных шалашах,
Прислушиваясь к клокотанью лавы,
Стихи слагаем в тайне – для потомков.
Александр Ромм

четвертый – на бумаге неграфленой
уже не почерк был, а ровный шрифт,
отстуканный на пишущей машинке
Семен Кирсанов

В московском сообществе поэтов-филологов¹, объединенных выпуском машинописного журнала «Гермес»², номер считался «изданным», если был исполнен в соответствии с исходным замыслом и «сброшюрован»³. В отличие от трех готовых и законченных выпусков этого «НЭП'овского антиквариата», по слову Осипа Мандельштама [207], «издание» четвертого номера «Гермеса» осуществиться не удалось⁴. Авторы журнала считали его «не вышедшим в свет» [171]⁵ и дипломатично именовали подготовленные материалы «№ 4а» [186]⁶.

Я благодарен Татьяне Нешумовой и Владимиру Нехотину за щедрость и доброе отношение. Отдельная признательность Игорю Ложилову и Игорю Пильщикovu за научные консультации.

¹ См.: [Богомолов, 1988, с. 177].

² См.: Московская литературная и филологическая жизнь 1920-х годов: машинописный журнал «Гермес» / Подгот. М. Чудаковой, Г. Левинтона, А. Устинова // Пятые Тыняновские чтения: Тез. докл. и материалы для обсуждения / Под ред. Е. Тоддеса. Рига: Зинатне, 1990. С. 167–210 (I. Мемуарные заметки Б. В. Горнунга: Б. Горнунг. Из воспоминаний о Мих. Ал. Кузmine. О журнале «Гермес» / Публ. М. Чудаковой и А. Устинова. Вступ. ст. М. Чудаковой; примеч. А. Устинова. С. 167–189; II. Указатель содержания журнала «Гермес» / Сост. Г. Левинтон, А. Устинов. С. 189–197; III. К истории машинописных изданий 1920-х годов / Публ. Г. Левинтона, А. Устинова. С. 197–210). При последующих ссылках на эту работу номера страниц указываются везде в квадратных скобках, без отсылки к публикации.

³ Ср. в воспоминаниях Б. Горнунга о Михаиле Кузmine: «В первый раз беседа была недолгой, он был один, и я оставил ему два вышедших и один подготовленный, но еще не сброшюванный номера нашего московского машинописного (выходившего в 12-ти экземплярах) журнала “Гермес”» [174]. См. в записке Л. Горнунга к В. Нейштадту 16 февраля 1928 г.: «Дорогой Владимир Ильич. Передай, пожалуйста, Юрке № 4 “Гермеса” (несброшюванный). Просит посмотреть <Дмитрий> Недович, там его переводы Гёте» [Горнунг, 2019, с. 242]. В № 4 «Гермеса» в переводе Недовича были напечатаны стихотворения Гёте «Зулейха и Хатем» и «Снова вместе» (с. 134–135). В рецензии на «Тяжелую лиру» Владислава Ходасевича Л. Горнунг заострял внимание на качестве книжного переплета: «“Музыка” во многом уступает стихам, написанным пятистопным ямбом и белым стихом и которые мы читали в прежних книгах Ходасевича, напр<имер> “Обезьяна” и “2-е Ноября” (“Путем зерна”). Издана книга и главное сброшюрована плохо» [Гермес, 1923, № 3, с. 381].

⁴ Л. Горнунг считал изданными только три выпуска: «Позже, после трех номеров “Гермеса”, был еще журнал под названием “Гиперборей”, которого вышел только один номер. Я был секретарем обоих журналов» [Горнунг, 1992, с. 175]. Ср.: [Левинтон, 2004, с. 316].

⁵ См. замечание М. И. Шапира: «При подготовке номеров 1-го (июль 1922) и 2-го (декабрь 1922) функции главного редактора исполнял Б. Горнунг, при подготовке номеров

«Гермес»... увы, Гермеса выйдет, кажется, лишь № 4а, т. е. тот, в котором помещена лишь очередная художественная часть: Ваши аспекты трактуются как «материал по истории театра», – вздыхал поэт и переводчик Дмитрий Усов, разясняя в письме 21 августа 1924 г. к Евгению Архиппову, почему его не удалось протащить в журнал [Усов, 2011, т. 2, с. 245]. «Журнала “Гермес” вышло три законченных номера, – вспоминал Лев Горнунг, – каждый в <двенадцати> экземплярах на правах рукописи. Четвертый, кажется, не был закончен и остался в архиве моего брата Бориса» [Горнунг, 1992, с. 175].

Редакционная коллегия «Гермеса» в составе Максима Кенигсберга (председатель), Алексея Буслаева, Нины Волькенау, Бориса Горнунга, Льва Горнунга и Виктора Мозалевского принялась за подготовку нового номера сразу же после завершения № 3⁷, планируя его выход в феврале 1924 г. «Полученное мною от Вас стихотворение помещено в № 4, первая часть которого будет, наверное, выпущена из печати (конечно, тем же кустарным способом) в конце февраля, писал Б. Горнунг 4 января 1924 г. Михаилу Кузмину относительно публикации его стихотворения “Турин”. – Если ознакомление с журналом не оставило у Вас скверного впечатления, решаюсь обратиться к Вам с настойчивой просьбой дать нам что-нибудь еще. Мне лично больше всего хотелось бы напечатать в “Hermes’e” отрывок из Виргилия или “Римских чудес”. <...> А может быть, у Вас есть еще заметки вроде “Чешуи в неводе” они тоже были бы нам очень интересны» [Горнунг, 2001, с. 381].

3-го (сентябрь 1923) <январь 1924.– А. У.> и 4-го (не вышел) – Кенигсберг, после смерти которого его дело некоторое время продолжала вдова, Н. В. Волькенау» [Шапир, 1994, с. 77].

⁶ Тем не менее, Л. Горнунг исполнил типовую обложку для № 4, правда, в единственном экземпляре (см.: [Самиздат века, 1997, с. <174>, илл. 25]).

⁷ Дата выхода № 3 «Сентябрь 1923» [194] была проставлена условно. Как показывает дневник Л. Горнунга, работа над ним продолжалась вплоть до начала 1924 г.; см. его записи 25 и 29 ноября, 18, 22, 24 декабря, 7 и 8 января 1924 г. [Горнунг, 2019, с. 53–54, 56–57, 65, 66, 72]. К 11 января 1924 г. № 3 был переплетен и сброшюрован, и Горнунг тогда же записал: «Сегодня вечером мы устроили юбилейное заседание “Гермеса” по поводу выхода в свет уже трех номеров. Купили кое-какой выпивки и пригласили сотрудников. Сначала Борис <Горнунг> и Максим <Кенигсберг> сделали соответствующие доклады, затем <Виктор> Мозалевский читал пьесу» [Там же, с. 73]. Впрочем, «именные» экземпляры № 3 Л. Горнунг закончил только к 20-м числам января. «Горопился кончить № 3-й, экземпляр Шпета», – записал он 20 января, и на следующий день: «В Академии был сегодня второй доклад Жирмунского из его книги о романтических поэмах. Я принес ему № 3 “Гермеса”» [Там же, с. 75]. Этот номер был надписан издателями журнала:

Глубокоуважаемому
Виктору Максимовичу
Жирмунскому
от редакционной коллегии Hermes’a
20 января 1924 года
Москва

Надпись сделана рукой Б. Горнунга, и его подпись идет первой. За ней следуют подписи: А. Буслаев, Виктор Мозалевский, <М.> Кенигсберг, Н. Волькенау, Л. Горнунг, – т. е. всех членов редколлегии (Частное собрание).

Еще раньше участники редколлегии высказали свои издательские намерения в коллективном письме 29 декабря 1923 г. к Густаву Шпету⁸, в надежде получить от него для № 4 «чего-нибудь о Тютчеве»⁹:

Многоуважаемый Густав Густавович!

Редакция «Гермеса» обращается к Вам с очень большой просьбой, или, точнее, с возобновлением большой просьбы, – дать нам для IV номера нашего *небольшую*, и в каком Вам угодно плане и связи, заметку о Тютчеве. Позволяем себе напомнить Вам, что Вам представлялось возможным написать нечто о «Молчи, скрывайся и таи». Конечно, во всём, что касается темы и размеров, Вам предоставляется полнейшая свобода, но нам хочется почти настаивать на получении чего-нибудь о Тютчеве от Вас. Эта заметка для нас очень близкая и очень важная, и взоры наши естественно обращаются к Вам, ободренные Вашим одобрительным к нам отношением. Заметка эта нужна нам к 15 февраля, т. е. через целых полтора месяца. Конечно, мы с большой радостью примем статью Вашу на любую близкую нам тему, но указанная выше была бы нам сейчас чрезвычайно нужна. Будьте любезны сообщить Ваш ответ (надеюсь, что положительный), по возможности немедленно. За ответной запиской к Вам зайдет кто-нибудь из нас не позже среды-четверга, 3-го января 1924 г., так как к следующему заседанию редакции, 4 января нам было бы желательно выяснить этот вопрос¹⁰.

Надеясь на Ваш положительный ответ, остаемся,
Искренно преданные Вам

<М.> Кенигсберг
Бор. Горнунг
Л. Горнунг
Н. Кенигсберг <Волькенау>
А. Буслаев¹¹.

14 января 1924 г. состоялось первое заседание, посвященное «IV номеру» журнала, с участием Б. Горнунга, Кенигсберга и Волькенау. «Сегодня купил бумаги для “Гермеса”, – отметил в дневнике Л. Горнунг. – У нас собрались Максим

---

⁸ См. запись Л. Горнунга в дневнике ночью после этого трудного дня: «Вечером у Макса <Кенигсберга> устроили президиум “Гермеса”. <...> Возвращался очень поздно» [Горнунг, 2019, с. 68].

⁹ 29 февраля 1924 г. Кенигсберг выступал в ГАХН в прениях по докладам Г. Чулкова «Тютчев и Аксаков (по неизданным материалам)» и Н. Гудзия «Тютчев и немецкий романтизм» и «в частности, сказал: “‘Silentium’ Тютчева мало толковать как символическое и в этом смысле высоко реалистическое стихотворение (следуя в этом понимании Г. Г. Шпету). Говоря об этом стихотворении, надо искать у Тютчева путей *преодоления иронии*»» [Горнунг, 2019, с. 88].

¹⁰ Ответ от Шпета к этой дате получен не был. 4 января 1924 г. Л. Горнунг записал в дневнике: «Заходил к Винокуру за фотографиями для Камерного театра – и по дороге купил “Tristia” <О. Мандельштама. – А. У.>. На Тихвинской вечером на заседании “Гермеса” Мозалевский читал 2 рассказа» [Горнунг, 2019, с. 70].

¹¹ Письмо опубликовано К. М. Поливановым в приложении к публикации: [Горнунг, 1992, с. 183–184]. Об отношениях Г. Шпета с кругом «Гермеса» см.: [Левинтон, 2010, с. 467–485].

Редакционное ядро «Гермеса»:
Борис Горнунг, Нина Волькенау, Максим Кенигсберг (1923 или 1924 г.)
Editorial core of the *Hermes*:
Boris Gornung, Nina Wolkenau, Maksim Kenigsberg. 1923 or 1924

и Нина для обсуждения передовицы, я купил им печенья и ушел» [Горнунг, 2019, с. 73]. Через три дня он сделал исповедальную запись о последствиях своего ухода:

Занес Нине Волькенау на службу бумагу для «Гермеса». Потом проводил ее в Ушаковский переулок. По дороге я спросил, почему она третьего дня рассердилась. Она ответила, что если меня не было тогда дома, то я должен был оставить записку, какую бумагу ей взять. Я оправдывался, что Борис <Горнунг> знал отлично какую, и мог объяснить, что это просто придирка.

Тогда она многое наговорила о том, что мною «Гермес» вообще недоволен, что я задерживаю печатанье, делая что-нибудь другое (тут упоминалась «Кифара», дела Арсения <Альвинга> и то, чему я обязан только Борису, его, к сожалению, любви к сплетням) и что им иногда неприятно даже принимать от меня то небольшое, что я делаю.

Что мог сейчас, я ей ответил. Расстались мирно [Горнунг, 2019, с. 74]¹².

23 января редакцию «Гермеса» посетил приехавший в Москву Виктор Жирмунский. Л. Горнунг сделал подробную запись об этом визите:

...я сажусь на № 11 и еду домой. Приходится торопиться домой, сегодня у нас Жирмунский. В трамвае меня окликает Макс <Кенигсберг>, едущий ко мне.

¹² Отношение Л. Горнунга к «Кифаре», несмотря на роль секретаря, оставалось довольно прохладным. «Утром папа говорил, что по вчерашнему вечеру ему кажется, что собрания и работа в «Кифаре» не дают чего-либо положительного и отнимают, главное, много времени, – записал он 27 марта 1924 г. – Я не протестовал, так как сам смотрю на «Кифару» как на частное, какое-то семейное общение, главным образом, с близкими знакомыми» [Горнунг, 2019, с. 100].

Первое заседание научно-художественного совета прошло в обсуждении № 4-го, его передовицы и прочего. Максим вначале сделал сообщение об истории развития «Гермеса».

Когда некоторые разошлись, Жирмунский в нашей тесной компании много рассказывал о Петербурге, о его научной жизни и деятельности. Здесь участвовал главным образом Максим. Затем я спросил кое-что о Гумилеве. Потом перешли на стихи Мандельштама. Какие стихи в «Tristia» совершенно понятны и эстетически, и логически, а какие – нет. По отношению к «Соломинке», которой не понимают ни Борис <Горнунг>, ни <Алексей> Буслаев и понимает Макс, Жирмунский сообщил, что в петербургских литературных кругах была некая Саломея Николаевна Андреева <Андроникова-Гальперн. – А. У.>. Моё замечание, что в строке «но раньше всех умрет тот, у кого тревожно-красный рот и на глаза спадающая челка» говорится о Георгии Иванове – он подтвердил [Там же, с. 77] ¹³.

Как пояснял Б. Горнунг в написанной для М. О. Чудаковой справке «О журнале “Гермес”», в начале января 1924 г. «был образован Научно-художественный совет под председательством проф. Г. Г. Шпета в составе всех членов редколлегии, а также А. Г. Габричевского, Б. В. Шапошникова, Д. С. Усова (секретарь), М. А. Петровского и А. Г. Челпанова» [188]. В январском письме к Михаилу Кузмину он рассказывал, что должно было войти в четвертый номер журнала ¹⁴, предупредив о своей готовности отозваться на его книгу «Условности. Статьи об искусстве» (Пг., 1923):

Наш отзыв об Абраксах (написанный М. М. Кенигсбергом) не совсем благоприятный по отношению к общей позиции сборников ¹⁵. Упреки приблизительно те же, что делал я Вам лично летом: обвинение в примате поэтики над поэзией, наряду с которым – «эмоционализм» ¹⁶. Кроме того, защищается от Вашего нелестного отзыва Георгий Иванов («Письмо в Пекин»). Ваше же отношение к Хлебникову

¹³ О предложенном С. Парнок прототипе из строк О. Мандельштама «Но я боюсь, что раньше всех умрет / Тот, у кого тревожно-красный рот / И на глаза спадающая челка» см. запись Л. Горнунга 5 января 1924 г. [Горнунг, 2019, с. 71].

¹⁴ Это то самое письмо, которое не дошло до М. Кузмина. «Приехавший недавно из Петербурга Б. П. Денике передал мне, – пи сал ему 30 марта 1924 г. Б. Горнунг, – что Вы передавали мне привет и спрашивали о тех Ваших стихах, которые Вы дали мне для Hermes’a. Из этого я решаюсь сделать два вывода: 1) что Вы меня не забыли, 2) что Вы наверно не получили моего письма (от 4 января этого года), в котором я писал Вам о том, что Ваши стихи напечатаны в четвертом номере нашего журнала, выход которого пока задерживается по некоторым техническим причинам. В том письме я послал Вам одно свое стихотворение, которое мне почему-то очень захотелось посвятить Вам; если Вы действительно того письма не получили, и если Вас оно интересует, я его опять пошлю» [206]. Ср. дневниковую запись Л. Горнунга 22 февраля 1924 г.: «Был у Нины Волькенау на службе <...>. Взял у нее 5 червонцев купить кое-что для “Гермеса” и для предстоящего заседания научно-художественного совета» [Горнунг, 2019, с. 85]. Заседание совета «Гермеса» состоялось 24 февраля [Там же, с. 86].

¹⁵ Отзыв на все три сборника был напечатан в № 3 за подписью *Шнюспельпольд* [196]. Публикация этого письма прояснила, что автором обеих рецензий – на «Абраксах» и на «Лесок» Кузмина в № 1 «Гермеса» – был Кенигсберг, а не Б. Горнунг, как ранее предполагалось (см.: [203]; [Кузмин, 1990, с. 545; Морев, 1997, с. 359; Литературная жизнь..., 2005, с. 530]). Ср.: [Усов, 2011, с. 241, примеч. 9].

¹⁶ См. дневниковую запись Кузмина 13 августа 1923 г. о визите Б. Горнунга: «Пришел Москвич. Не одобряют нового моего курса. Абраксах считают опытами. Поэтикой, а не поэзией. М<ожет> б<ыть> это симптоматично. Гумилевская закваска очевидно живет даже в Москве и довольно крепко» [203].

(в том же «Письме в Пекин») затронуто в другой статье Кенигсберга, предлагаемой к печати в № 4. Об «Условностях» собираюсь написать я.

В четвертый номер (в первую его часть) мы приняли полный перевод «*Carmina Priarea*» с вступительной статьей и комментариями. Перевод сделан петербургским классиком Д. Н. Дементьевым при участии московского филолога <Б. В.> Парского. Переводится «Фаустина» Гофмана и уже напечатан в № 3 гофмановский отрывок, продолжающий Абрагама Тонеля¹⁷. Я собираюсь пропагандировать поздних французских романтиков, главным образом Нодье и Бореля. Несколько вещей Нодье переводится сейчас под моей редакцией, часть попадет в «Hermes», а может быть, сумеем издать (по-настоящему уже) и сборник романтических новелл – из немцев войдут в него почти наверно Тик, «Гайматохара» и сказки Брентано¹⁸ (или Арним)¹⁹. <...>

У брата <Льва Горнунга. – А. У.> последнее время есть кое-что, как мне кажется, интересное. О его пути после «Валгалы» Вы сможете судить, когда увидите № 4 «Hermes'a» [Горнунг, 2001, с. 382]²⁰.

В следующем письме к Кузмину 30 марта 1924 г. Б. Горнунг дополнил изложенные сведениями о переводе Сергея Шервинского и пояснил тему передовой статьи: «В четвертый номер мы приняли полный перевод *Carmina Priarea* (пер. <Б. В.> Парского под редакцией) и с комментариями Д. Н. Дементьева – учени-

¹⁷ Имеется в виду продолжение напечатанной в № 3 «Гермеса» новеллы Э. Т. А. Гофмана «Новейшие судьбы одного любителя приключений» в переводе Кенигсберга [195]. Пояснение Б. Горнунга отражает западные увлечения авторов журнала. Позже он написал об этом в «Записках о поколении 20-х годов»: «Все бредили Гофманом <...>. Мы с В. Я. <Виленкиной> ходили слушать лекции в “Lo Studio Italiano” по Венеции XVIII века. Образовался понемногу канон общих литературных вкусов» [Горнунг, 2001, с. 347–348]. И далее непосредственно о «Гермесе»: «В противоположность “западническому” направлению “Гермеса” (в особенности) и “Гиперборей” (в несколько меньшей степени), журнал А. А. Реформатского, А. В. Чичерина, Н. М. Гайденкова и др.<угих> “Дружина” имел ярко выраженный русофильский характер (с культом Есенина, Клюева, стихов Блока о России и... Ключевского). Мы в шутку называли эту “Дружину” “Лаптем”, но считали и его журналом *нашего* поколения» [Там же, с. 379].

¹⁸ Ср. в рецензии Кенигсберга на статью В. Жирмунского «Поэзия Александра Блока» из сборника «Об А. Блоке» (Пг., 1921): «Отдельно стоит замечанье об особой близости Блока из романтиков к Брентано. Было бы особенно интересно поставить вопрос о влиянии. Это был бы первый случай появления Брентано в русской литературе. Этот вопрос, конечно, в силах поставить и разрешить в первую очередь сам автор рецензируемой статьи <В. Жирмунский>, как едва ли не лучший нам знаток Клеменса Брентано» [Гермес, 1922, № 1, с. 145].

¹⁹ Новелла Э. Т. А. Гофмана «Гайматохара» была напечатана в переводе Кенигсберга в № 1 «Гермеса» [190], отмеченном в рецензии в журнале «Корабль» [199–200]. Л. Горнунг вспоминал о круге «Гермеса»: «Увлекались наукой, литературой, музыкой. И особенно немецким романтиком Э. Т. А. Гофманом. Это были первые годы жизни новой эпохи, которая представлялась каким-то светлым и свободным будущим. <...> В это же время из-за нехватки новых изданий, в которых была потребность, в узком кругу этой молодежи появились мечты о своем научном журнале, в котором можно было бы печататься. Так зародился студенческий рукописный <sic!> журнал “Гермес”» [Горнунг, 1992, с. 174].

²⁰ В последней фразе речь идет о машинописном сборнике Л. Горнунга «Валгала (Стихи 1921–1922 гг.)», выпущенном под маркой «Гермеса», как и сам журнал, в 12 экземплярах; см.: [Русские поэты XX века, 2007, с. 145]. Его следующая «отдельная книжка» стихотворений получила название «Земля» [Горнунг, 2019, с. 92].

ка Зелинского)²¹, затем “Peruigilium Veneris” в переводе Шервинского (Кстати: дошли ли до Петербурга его “Стихи об Италии” – хорошо бы, если <бы> нам написал [бы] на них рецензию кто-нибудь из обитателей Ленинграда), много переводов Гёте²², переводы орфических гимнов и др. Передовая статья (моя) – “Проблемы эстетики и художественной культуры в последние годы русской жизни”²³. Я стараюсь пропагандировать поздних французских романтиков, главн<ым> образом Нодье и Бореля» [206–207]²⁴. Видимо, статья так и не была закончена, или же вызвала «несогласие» редакции «Гермеса», как это случилось с другой статьей Б. Горнунга в альманахе «Чет и нечет» (М., 1925)²⁵. Какой бы ни была причина, оглавление № 4 завершилось заявлением «От редакции»: «По независимым от редакции обстоятельствам передовая статья не могла быть напечатана в настоящем номере» [271].

Неготовность статейного блока стала дополнительным доводом для оправдания решения редколлегии о разделении четвертого выпуска «Гермеса» на две части. В истории журнала такой издательский подход практиковался и прежде: подготовленный в декабре 1922 г. № 2 имел соответствующий подзаголовок «первый выпуск второго номера» [192]. Именно оттуда была позаимствована редакционная врезка, которой открывалась «первая часть № 4»:

Не желая задерживать выход [второго] четвертого номера «Гермеса», но не имея возможности из-за технических затруднений напечатать его своевременно целиком, редакция выпускает пока лишь первую часть его, содержащую отделы ори-

---

²¹ См. запись Л. Горнунга 21 декабря 1923 г. о заседании «Кифары», московского объединения имени Иннокентия Анненского: «Сегодня в кружке Дементьев читал перевод “Carmina Priapea”. Ни Усова, ни Челпанова не было» [Горнунг, 2019, с. 66]; о кружке «Кифара» см.: [Там же, с. 35]. Этот предназначавшийся для первого раздела № 4 «Гермеса» машинописный блок сохранился в собрании Л. Горнунга вместе с переводами С. Шервинского, Б. Ярхо и др. (РГАЛИ. Ф. 2813. Оп. 1. Ед. хр. 53).

²² См. в воспоминаниях Б. Горнунга о Кузmine: «...некоторые свои старые стихи он нам в эту ночь читал, “как чужие”, а “кляризм” и “дендизм” защищал тоже не потому, что они и сейчас ему близки, а только для того, чтобы отмежеваться от “пастернаков” и “маяковских”. Нельзя, однако, не отметить (и я ему это тогда сказал), что стихотворение “Гёте” в “Нездешних вечерах” носит явные следы влияния Маяковского. Кузмин ответил, что это “из озорства”» [180].

²³ См. сохранившиеся наброски Б. Горнунга, которые, видимо, легли в основу более пространной незаконченной статьи: [Горнунг, 2001, с. 231–250, 266–269].

²⁴ В отличие от Петрюса Бореля (1809–1859), Шарль Нодье (1780–1844) выст упил в ранний период французского романтизма, поэтому Б. Горнунг не упоминает его в пассаже о «поздних романтиках» в «Около Маллармэ», единственной статье, появившейся в этом выпуске: «Французскому символизму можно искать и находить много корней, источников и предтеч. <...> [Н]о приходится говорить с большой осторожностью даже и о французских романтиках, как предшественниках символизма. Едва ли имеют большое значение в качестве таких Шатобриан, Ламартин, Виньи и Гюго. <...> Несомненная роль остается только за Жераром де Нerval <sic!> и Петрюсом Борелем, а затем конечно за Бодлером, Вилье де Лиль Аданом и Барбе д’Оревильи» [Гермес, 1924, № 4, с. 7].

²⁵ Прозвучавшая в его статье «О современной французской лирике» реплика: «Кто знает, что принесет русской лирике, в которой тоже сходятся на одном пути Ахматова и Есенин, Мандельштам и Лившиц, Ходасевич и Мариенгоф, ознакомление с этим бьющим живую жизнь поэтическим слоем?» – вызвала и едовольное примечание: «Редакция совершенно несогласна с этой оценкой современного положения русской поэзии» [Чет и нечет, 1925, с. 39].

гинальной и переводной поэзии, оригинальной и переводной художественной прозы [и статей]. Отделы статей, библиографии, рецензий, *variá* и хроники составят содержание второго выпуска [второго] четвертого номера.

[Декабрь 1922.] Июль 1924.

РЕДАКЦИЯ.

Если «первый выпуск второго номера» содержал только «художественный раздел» и раздел «Статьи» [192–193], то, перепечатывая это пояснение со спешной правкой в «№ 4а», редакция проявила ненамеренную скромность: помимо «отдела оригинальной и переводной поэзии, оригинальной и переводной художественной прозы» последний выпуск журнала включал также раздел рецензий²⁶. Составляя роспись содержания «Гермеса», Б. Горнунг ошибся в своих подсчетах, указав для № 4 «19 рецензий» [197]. Это число было впоследствии скорректировано его сыном, который заметил, что «в действительности их 9»²⁷. Он посчитал необходимым «восполнить пробел в информации о “Гермесе” и привести полный перечень рецензий, опубликованных в его последнем номере» [Волькенау, 2000, с. 165–166]²⁸.

Как вспоминал Б. Горнунг, весной 1924 г. был создан «план второй (статейной) части номера 4-го – неосуществленный, хотя все статьи были написаны. Статья Г. Г. Шпета о В. Гумбольдте разрослась в целую книгу (“Внутренняя форма слова”), которая была выпущена Государственной академией художественных наук (ГАХН) в 1927 г. Четыре другие статьи (Н. И. Жинкина, М. А. Петровского, И. Н. Волкова и А. А. Губера) составили сборник “Художественная форма” (М., ГАХН, 1927). Другие написанные статьи не были опубликованы...» [188]. В их состав входила также статья Николая Бернера «Памяти Гумилева», написанная к трехлетней годовщине «Черного августа» 1921 г.²⁹

Несмотря на издательский план и активную подготовку материалов, работа над номером была прервана смертью Кенигсберга на заседании редколлегии «Гермеса», созванном в том числе для обсуждения заявления Б. Горнунга и выходе из ее состава³⁰. Л. Горнунг 30 июня записал в дневнике: «Торопился на Пресню на заседание редколлегии. Макс пришел в 8 ч <асов вечера>. Бориса, конечно, не было. Нина чистила клубнику. Он был весел, играл с котенком. В 10 ½ катастрофа. Протоколы, судебный доктор, Елена Григорьевна <мать Кенигсберга. – А. У.>, Шпет, нянька» [Горнунг, 2019, с. 131–132].

²⁶ Кроме того, в номере предполагались иллюстрации; ср. запись Л. Горнунга 17 февраля 1924 г.: «Сегодня много рисовал для “Гермеса”» [Горнунг, 2019, с. 84].

²⁷ См. предисловие М. Горнунга к публикации [Волькенау, 2000, с. 164].

²⁸ Далее были перепечатаны две «гермесовские» работы Волькенау: статья «Классицизм» из № 3 и рецензия на «Вторую книгу» О. Мандельштама из № 4.

²⁹ См.: [Устинов, 2002, с. 26]. Ср. запись Л. Горнунга в дневнике 25 ноября 1923 г.: «Заехал часа в 3 к Софье Яковлевне <Парнок– А. У.>. <...> После нее я заехал к Максиму <Кенигсбергу>. Он лежит в постели с больной ногой. Читал ему стихи из “Розы Пиерии” <sic!>, затем, чтобы познакомить с этой книгой и заставить написать рецензию для “Гермеса”. Вечером печатал Бернерову статью в “Гермесе”» [Горнунг, 2019, с. 54].

³⁰ Ср. дневниковую запись Л. Горнунга 25 июня: «Вечером за Борисом зашел Максим, был устроен президиум редакции “Гермеса” из него (председатель), меня (секретарь) и Бориса. По поводу заявления, поданного Борисом 17/VI об уходе из “Гермеса”, так как сам он на ближайшем заседании совета присутствовать отказался» [Горнунг, 2019, с. 131].

В тот же вечер он попытался описать подробно это «событие», которое «потрепало всё <его> сознание своей нелепой и ужасной неожиданностью»:

Еще в четверг мы назначили на сегодня заседание редакции. Нина Волькенау пришла со службы часов в шесть с клубникой, а Максим тоже вскоре около восьми. Я читал «Ковш» <Филиппа> Вермеля, взятый у Ромма для рецензии в «Гермес» <...>. Максим в это время читал и смеялся <...> в ожидании Буслаева и Мозалевского, на чем особенно настаивал Максим и немного я, – мы увлеклись котенком, который на кровати горбился верблюдом, плевался и шипел <...>.

Так прошло время до 9 часов, когда мы решили, что ждать уже больше нечего, и пошли в каминную начать заседание. Максим и тут продолжал шутить и набивал наперсток трубку, и Нина взяла с собой клубнику и чистила ее к чаю.

Ничтожный случай отвлек наше внимание. Максим достал из пепельницы смятый кусок бумаги и стал разворачивать его, но Нина вырвала и рассердилась на его привычку читать чужие записки. Макс огрызнулся, что с ее характером трудно ему ужится и, вероятно, придется с легкой руки Бориса уйти из «Гермеса» и ему. – «Не говори глупостей, – сказала Нина, – лучше уйду я, от этого ничего не изменится», – на том и покончили, и неприятное впечатление быстро развеялось.

Составив окончательное постановление по поводу борисовского заявления, мы приступили к редакционной заметке отдела, посвященного Маллармэ, которую написал целиком Максим, а мы с Ниной присоединились. Затем ему же было поручено писание редакционной статьи к отделу Тютчева и был оставлен открытым вопрос о вакантном месте в редакции. После этого я достал из редакционной папки новеллы Печковского, и Максим начал их читать <...>, мы решили зачитать еще и «Трилистник», перед которым сделали небольшой перерыв, так как Нина вышла куда-то по делу. В это время Макс взял у меня из рук протокол и написал сбоку: «Левон, Левон, оставь свои затеи», – строчку, которую он всегда любил повторять при мне, как бы дразня и иногда прибавляя: «Субстанций нет, прогнал их Гегель в шею, но и без них мы славно проживем» (В. Соловьев), строчку, которую он прежде только произносил, а тут вдруг решил закрепить ее на бумаге, как бы на память, как бы автограф [Горнунг, 2019, с. 133–134].

Запись Л. Горнунга осталась незаконченной. Впоследствии он описал случившееся в воспоминаниях, спокойных и взвешенных, избавленных от дневниковой сумбуражности:

Однажды, <30> июня 1924 года, когда летом многие участники журнала уехали из Москвы, у нас в комнате для разбора рукописей, поступивших в последний номер «Гермеса», собрались я, Нина Волькенау и позже пришел Максим Кенигсберг. Он в это летнее утро чувствовал себя хорошо, хотя у него было очень больное сердце. Утром он совершил прогулку по Москве.

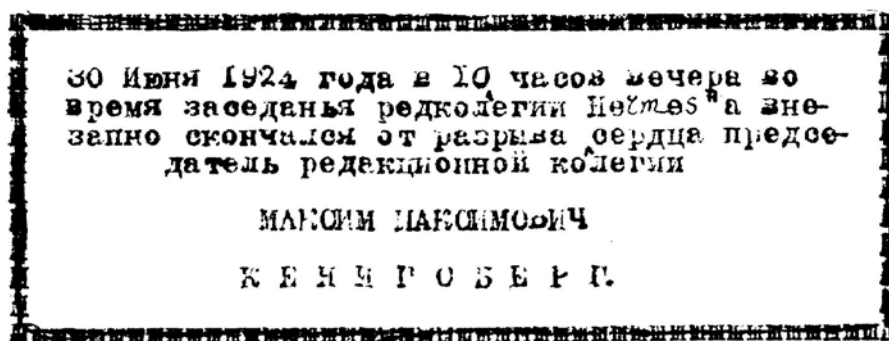
Придя к нам часов в пять, он принял участие в нашей работе. Вдруг вскрикнув и поблдев, как полотно, откинулся на спинку кресла. Я растерялся и не знал что делать, хотел броситься за стаканом воды, но было уже поздно. Он умер скоропостижно от разрыва сердца.

Я позвонил по телефону об этом несчастье Шпету, он оказался дома и приехал очень скоро. Приехал мой брат Борис и кто-то еще из «гермесовцев». Вызвали районного судебного врача, он как-то не сразу решился написать справку, но Шпет резко и твердо сказал ему: «Тут всё ясно, можете ни в чем не сомневаться. Это мой ученик, а я его профессор». Это подействовало на врача, и справка была получена.

Поблизости от нас, на Пресне, была фотография, и фотограф снял Максима в гробу. Максим был единственным сыном у своей матери, отца не было. Кто-то из-

вестил его мать Елену Григорьевну. Она быстро приехала, и это была очень тяжелая сцена. Похоронили его на Миусском кладбище [Горнунг, 1992, с. 176]³¹.

Для авторов, объединенных «Гермесом», смерть Кенигсберга стала поворотным событием. Книга Густава Шпета «Внутренняя форма слова: этюды и вариации на тему Гумбольдта», как и монография Григория Винокура «Биография и культура» (М., 1927), выпущенная в смежной серии ГАХНа³², были посвящены «Памяти Максима Максимовича Кенигсберга»³³. Четвертому выпуску журнала это событие придало кольцевую композицию. Теперь он открывался забранным в квадрат траурной рамки обращением к читателям.

Траурная страница № 4 «Гермеса» (1924 г.)
A page from No. 4 of the *Hermes* commemorating Maksim Kenigsberg. 1924

Следом шла мемориальная «редакционная заметка отдела, посвященного Маллармэ», напечатанная по «шпетовской орфографии»³⁴:

³¹ Этот рассказ ни в чем не противоречит дневниковым записям 1924 г., поэтому выпад в сторону Л. Горнунга, предпринятый его племянником касательно «(местами довольно путаных) воспоминаний о Г. Г. Шпете, которые с комментариями К. М. Поливанова помещены в том виде, в котором они записаны с голоса ослепшего давно старика» [Волькену, 2000, с. 166], совершенно не оправдан.

³² Книга Винокура вышла вторым выпуском в серии «Труды Государственной академии художественных наук. Философское отделение». Ей предшествовал как раз сборник «Художественная форма», в который вошли статьи «Проблема эстетических форм» Н. Жинкина, «Выражение и изображение в поэзии» М. Петровского, «Что такое метафора» И. Волкова и «Структура поэтического символа» А. Губера.

³³ См. также «посвящение Кенигсбергу в гранках неопубликованной статьи Винокура «Биография как научная проблема»» [Шапир, 1994, с. 82].

³⁴ Как вспоминал А. Чичерин, авторитет «Г. Г. Шпета для участников «Гермеса» распространялся даже на орфографию: они тоже писали и печатали в ряде случаев без удвоения согласных – маса, класы, граматика» [Чичерин, 1985, с. 247]. По замечанию М. И. Шапира, двойные согласные упрощались «в словах иноязычного происхождения, в том числе в именах собственных» [Кенигсберг, 1994, с. 174] – как в «Маллармэ». Здесь также сохра-

СТЭФАН МАЛАРМЭ.

9-го Сентября 1923 года исполнилось двадцать пять лет со дня смерти Стэфана Малармэ. Редакция *Hermes*'а хотела откликнуться на этот юбилей, учитывая совершенно своеобразную роль, выпавшую на долю этого парнасца, которому суждено было возглавить собою особое течение в ряду французской поэзии эпохи символизма, восставшей против окостенелой мертвенности парнасцев. Не разделяя восторгов по адресу конкретных достижений Стэфана Малармэ, редакция *Hermes*'а не может не почувствовать близким себе этот одинокий и причудливый ум, пытли-во анализирувавший явления искусства, проникнутый самыми положительными стремлениями к возрожденью своего родного слова, закрепощенного парнасской кодификацией и втоптываемого в грязь начинающим подымать голову натурализмом. Совмещенье в одной культурной личности филолога и поэта, мыслителя-реформатора искусства, уже само по себе не может не быть привлекательным для нас. Учитывая все эти соображенья с одной стороны, а с другой, малое знакомство у нас с поэзией и ученьем Маллармэ, мы решили посвятить юбилюру особый отдел, в котором читатели найдут ориентирующие заметки об источниках и историческом контексте поэзии Малармэ, написанные Б. В. Горнунгом, ряд прозаических и стихотворных переводов, исполненных Б. В. Горнунгом и Д. С. Усовым, и наконец попытку воссоздания на русском языке аграмматических опытов Ст. Малармэ, принадлежащую Б. В. Шапошникову³⁵.

РЕДАКЦИЯ.

ПРИМЕЧАНИЕ: Заметка была составлена М. М. Кенигсбергом 30 июня 1924 года приблизительно за час до смерти³⁶.

нены «йотированные» суффиксы, принятые в орфографии «Гермеса» (ср.: [Левинтон, Устинов, 2001, с. 323]).

³⁵ Вот это упражнение Бориса Шапошникова (1890–1956) в «аграмматизме»:

Hommage à St. Mallarmé.

Стянулась белая преграда
Сквозившая густой раскос
Обрамленный каймой полос
Атласные края разлада

Где задыхаясь складкам рада
Слезящих липким лен волос
В расщепе влажный абрикос
Стекает данью им награда.

Тесня и заключая плод
Обникла вялостью развод
Ног нагота тепло вбирая

Касаньем тела как недуг
Губами глаз устав блуждая
Листает бёдер трепет дуг.

Стихотворение сопровождалось редакционным примечанием: «Настоящий сонет является опытом осуществленья в русском языке и стихе тех синтаксических принципов, которые лежат в основе лирического творчества Стефана Малармэ последнего периода. (Ср., например: “Quelle soie aux baumes de temps”, “M’introduire dans ton histoire” или “À la nue accablante tu”)» [*Гермес*, 1924, № 4, с. 26].

³⁶ [*Гермес*, 1924, № 4, с. 3–4]; ср. публ.: [Горнунг, 2019, с. 134].

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2020. № 1
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 1

Самым последним материалом в журнале было дано еще одно обращение «От редакции»: «В заседании от 18 Августа с. г. редакционная коллегия “Hermes” а, избрав после смерти М. М. Кенигсберга временным председателем редколлегии Н. В. Волькенау, постановила: 1) окончив подготовку и выпустив из печати № 4-ый, прекратить дальнейшее издание журнала “Hermes”, основателем и главным руководителем которого был покойный М. М. Кенигсберг; 2) издать к 30 Июня 1925 года специальный сборник статей и воспоминаний о покойном»³⁷. Можно предположить, что некоторые из ненапечатанных в «Гермесе» статей должны были войти в этот сборник, который так и не был издан.

Под руководством Нины Волькенау³⁸, «была закончена первая часть № 4 (но не была пущена в широкое обращение), а затем журнал прекратился», – заметил Б. Горнунг [188]. «Воля вдовы Кенигсберга – чтобы “Гермес” остался его делом и не продолжался, – переживал Д. Усов. – В высшей степени странная воля, чтобы не сказать больше...» [Усов, 2011, т. 2, с. 245]. Однако именно Волькенау, против своей воли возглавившая «Гермес», значительным волевым усилием довела «рукописи, поступившие в последний номер», до типографского станка, т. е. до пишущей машинки ЮСТ – едва ли не единственного ценного достояния редакции журнала³⁹.

Так, Александр Ромм, поэт-филолог круга «Гермеса», жаловался на отсутствие в его распоряжении пишущей машинки, отправляя 12 декабря 1922 г. ученым «Женевской школы» фрагмент своего перевода «Курса общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра: «Как бы то ни было, я надеюсь, господа, что этого отрывка будет достаточно, чтобы дать вам представление о моем переводе. Простите мне, господа, мою рукопись. У меня нет type-writer (не знаю, как это называется по-французски). В Москве очень трудно получить такого рода обслуживание» [Годес, Чудакова, 1981, с. 233]⁴⁰.

---

³⁷ [Гермес, 1924, № 4, с. 271]; ср. публ.: [Усов, 2011, т. 2, с. 248].

³⁸ Ее биография представлена в публикации: [Морев, 1997, с. 354–356]. См. также *Curriculum vitae* Волькенау, составленный ей 4 декабря 1925 г. и сопровождавший рекомендацию для Литературной Секции ГАХН, подписанную Н. Гудзием, Б. Ярхо и М. Петровским: [Левинтон, Устинов, 2001, с. 333–334]. См. дополнения о ее литературной деятельности в комментариях Т. Ф. Нешумовой: «...в архиве издательства “Художественная литература” среди “Аннотаций и рецензий” на книги зарубежных писателей (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 4466. Л. 8489 и 90–93) хранятся две внутренние рецензии Волькенау на книги Эрика Линклэтора “Магнус Мерримэн” <...> и Дэва Марлоу “Иду, сэр” <...>, датированные 5 января 1938 г. и 18 апреля 1938 г. Значит, до этого времени Волькенау, по видимому, не была арестована, как многие из ее бывших коллег и соратников, не вполне отошла от литературы и, хотя второй раз вышла замуж за врача В. А. Милицина, литературные работы выполняла под своей девичьей фамилией» [Усов, 2011, т. 2, с. 212].

³⁹ О значении пишущей машинки в литературной культуре 1920-х гг. см. прекрасную статью: [Соболев, 2012].

⁴⁰ Ср.: «Книга де Соссюра, – уверял Кенигсберг, – заслуживает самых горячих приветствий, как исходящий из рядов самого языкознания голос, требующий отчета о предмете, принципах и методах своей науки» [Шапир, 1994, с. 78–79].

ПИШУЩІЯ МАШИНЫ
„ЮСТЪ“ и „МЭРРИТТЪ“
(The „Jost“ and „Merritt“ Typewriter).

Единственный представитель для Россіи

С.-Петербургъ,
Фонланки, 52.

К. ШИЦЪ,

Москва,
Мясницкая, д. Ге.

ИНЖЕНЕРЪ.

Складъ машинъ и всевозможныхъ техническихъ принадлежностей.

(Фирма основана въ 1870 г.)

Пишущая машина Юста представляетъ последнее слово въ ряду усовершенствованной, къ которымъ принадлежатъ, построенныя изобрѣтателемъ, машины «Ремингтонъ» и «Каллиграфъ»; она и превосходитъ поэтому всѣхъ своихъ предшественницъ, какъ механическимъ совершенствомъ и выполнениемъ, такъ и практической цѣнностью.

Машина ЮСТА никогда не можетъ дать неправильныхъ строчекъ.

МАШИНА ЮСТА

пишетъ самымъ четкимъ шрифтомъ на всѣхъ пишущихъ машинъ.

допускаетъ наибольшую быстроту письма.

имѣетъ самое пріятное туше.

обладаетъ самой значительной точностью.

Машина ЮСТА работаетъ безъ лентъ съ краской и допускаетъ самое лучшее и обильное умноженіе оттисковъ.

Цѣна машины
«ЮСТЪ»
съ русскимъ
шрифтомъ
250 р.

Цѣна машины
«ЮСТЪ»
съ латинскимъ
шрифтомъ
235 р.

Реклама пишущей машинки ЮСТ (1920-е гг.)

Advertisement for the IOST typewriter. 1920s

«Типографский станок» «Гермеса» даже заслужил специального упоминания в отзыве близкого сообществу критика Сергея Гадзяцкого⁴¹: «С июля 1922 г.

⁴¹ Б. Горнунг вспоминал, что познакомился с ним в Главном военно-инженерном училище, куда он поступил на службу в 1920 г.: «В ГВИУ я с начала сентября сошелся со своим ближайшим начальником С. С. Гадзяцким, местным инженером (из Николаевского училища), когда-то (до 1915 года) <бывшего> студентом-юристом Петербургского университета и теперь решившим снова поступить в университет, уже на историческое отделение. Стоя в очереди в служебной столовой, мы затевали с ним бесконечные разговоры на поли-

кружком московских филологов издается – на правах рукописи – журнал “Гермес”, печатаемый в количестве 12-ти экземпляров на машине Иост»⁴². Главным «наборщиком» выступал Лев Горнунг, который рассказывал, что его участие «заключалось в сборе материалов, в переписке на машинке всех номеров журнала и в оформлении их графически. Я напечатал там цикл стихотворений, посвященных памяти Гумилева, и был переплетчиком всех номеров» [Горнунг, 1992, с. 175].

Главная заслуга Волькенау заключалась как раз в том, что после неожиданной смерти Кенигсберга она сумела удержать редакцию «Гермеса» и убедить всех участников, включая и покинувшего ее «из-за разногласий по некоторым вопросам» [188] Б. Горнунга, довести номер до печати⁴³. Не раскрывая истинных при-

---

тические, философские и литературные темы» [Горнунг, 2001, с. 346]. Гадзяцкому посвящено его стихотворение «Новогодний симпозион»:

Наполним чаши золотом Фалерна!
Музыка грянь! Читай стихи, поэт!
Мы из дворца окраинным тавернам
Свой новогодний шлем привет.

Двуликий бог пришел сегодня к власти,
Нам колесо Фортуна повернет,
И отразит напевы темной страсти
Наш утомленный хоровод.

Проснулась розоперстая Аврора.
Друзья, забудем козни Эвменид!
Сомкнись, катена! В переливах хора
Петроний цепь разъединит

[Мнемозина, 1924, с. 12].

⁴² [Г<адзяцкий>, 1923, с. 45] (указана нам М. Г. Ратгаузом). В этом выпуске журнала были напечатаны материалы «гермесовцев»: М. Кенигсберга – статья «Об искусстве новеллы <sic!> (Заметки)» (с. 28–30) и его же рецензия на новое издание повести Николая Лескова «Заячий ремиз» (с. 46–47; ср.: [Шапир, 1994, с. 99]); Б. Горнунга – рецензия на № 1 журнала «Гостиница для путешествующих в прекрасном» (с. 44–45) и его же обзор «В Московском Камерном Театре» (с. 52); а также рецензия А. Ромма на книгу Бориса Пастернака «Сестра моя жизнь» (с. 45–46), которая оказалась приурочена к возвращению Пастернака из Берлина в Москву, о чем сообщалось в хронике «Среди писателей» (с. 48).

⁴³ Тем не менее, Б. Горнунг принял участие в «акции» редакционной коллегии в феврале 1924 г., когда «комплект № 1–3 был продан нами на очередном (специально пушкинском) аукционе “Общества друзей русской книги” в ГАХН некоему Гольдбергу (или Гольдману – нэпману, высланному позже в Нарымский край)» [187]. Ср. запись Л. Горнунга 1 февраля 1924 г.: «Был в Академии <ГАХН> на пушкинском аукционе. Я подготовил для него 3-й номер “Гермеса”. Был там такой Гольдер, который купил большую часть книг. “Гермес” он довел до 39-ти рублей, но Борис <Горнунг> дал 40 и на этом остался. Но Гольдер предложил купить все три номера, на днях снесем» [Горнунг, 2019, с. 79]. 22 февраля он записал: «Был у Нины Волькенау на службе на предмет узнавания – продала ли она номера “Гермеса” Гольдеру. Оказалось, что – да» [Там же, с. 85]. По предположению Т. Ф. Нешумовой, речь может идти об историке Фрэнке Гольдере (Frank Alfred Golder, 1877–1929), создавшем библиотечную и архивную коллекции Гуверовского института

чин своего ухода из редколлегии, но сообщая о своем возвращении к работе над журналом «в неофициальном порядке», он подробно изложил свою позицию в письме к Кузмину 3/5 сентября 1924 г.:

Вскоре после Вашего отъезда из Москвы этою весною мои давно-подготавливавшиеся разногласия с «Гермесом» привели меня к выходу из его состава. В дружеской беседе Г. Г. Шпет также находил необходимым, чтобы я – не разделяющий их позицию, непримиримо-принципиальную и нетерпимую по отношению к многим художественным явлениям, для меня очень значимым, образовал иную группу. <...> Так родилась «Мнемозина». Я думал, что наши отношения с «Гермесом», который, как мне казалось, должен был попрежнему существовать и без меня, будут носить характер дружески-полюемический. Но 30 июня скоропостижно скончался председатель редакции «Гермеса» М. М. Кенигсберг. Издание «Гермеса» без него и без меня стало невозможным. Оно заканчивает свое существование, собираясь после 4-го номера выпустить только сборник статей памяти М. М. Сейчас мне в неофициальном порядке приходится принимать снова самое близкое участие в их редакционной и ликвидационной работе. Это положение, вызванное печальным обстоятельством смерти Максима Максимовича, позволило примкнуть к «Мнемозине» и части гермесовцев; так близкими нашими сотрудниками становятся Н. В. Волькенуа, которую Вы наверно помните, и даже мой брат, начинающий отходить от своего исключительного пизетта к покойному Н. С. Гумилеву [209]⁴⁴.

В нашей первоначальной публикации мы предположили, что основным поводом для выхода Б. Горнунга из редколлегии был его «антифутуризм», даже более строгий, чем «последовательный “антифутуризм” журнала, распространявшийся нередко и на Пастернака» [204]⁴⁵. В № 4 «Гермеса» он не сменил и не ослабил своей позиции, направив «антифутуристический» пафос на поэта Бориса Лапина и на его принадлежность к объединению «Московский Парнас», пусть и не футуристическому, но вызвавшему у Горнунга претензии уже одним своим названием: «Так как группа, громко именующая себя “Московским Парнасом” (что это, как не наглость, если вспомнить обычное, освященное Пушкиным, словоупотребление, да еще, пожалуй, начинание Леконта де Лиля), – взывал он в рецензии на “1922-ю книгу стихов” (М., 1923) Лапина, – особенного внимания заслуживать не может, то покончить с нею счеты удобнее всего, остановившись на Б. Лапине, за которым после всего трудно отрицать некоторую природную талантливость, известный лирический размах, растрачиваемый, как часто у нас теперь бывает, на бесполезные дебоши».

Разумеется, сочетание определений «лирический размах» и «бесполезный дебош» выступало необходимой предпосылкой для уничтожения футуризма, в особенности его продолжателей, выступивших по мнению «гермесовцев» в новом «лефовском» обрамлении:

войны, революции и мира в Пало Альто (штат Калифорния). Однако полный комплект «Гермеса» в эти коллекции никогда не поступал и в них не числится.

⁴⁴ Поздние воспоминания Б. Горнунга о Кенигсберге, включенные им в «Записки о поколении 20-х годов», доведены до 1922 г., но заканчиваются как раз накануне создания «Гермеса». См.: [Горнунг, 2001, с. 356–367].

⁴⁵ Позиция его брата была, напротив, совершенно сбалансированной. «Замечательно, что сегодня надо заимствовать кое-что и у футуристов», – отметил 7 апреля 1924 г. Л. Горнунг о совете М. Волошина, подправив это в позднейшей записи: «Сказал, что в наше время надо больше заимствовать у современных левых поэтов, у футуристов» [Горнунг, 2019, с. 110].

Но те литературные факты прошлого десятилетия, которые связаны с направлением «футуризм» <...>, теперь даже самые горячие сторонники признания исторической важности этих фактов склонны смотреть <на них> как <на> предварительные опыты <...>. На страницах «Гермеса» незачем еще раз повторять доказательства несостоятельности всего направления. Допустим даже на время, что какой-то технической ценностью футуризм, «Центрифуга» и т. д. обладают. Смущающие многих, не таких уж малых, эксперименты Лапина претендуют на качество собственно поэтической разработки своих лабораторных методов. С этим-то и нужно покончить, дабы и впредь, как в Центрифугах, так и в разного рода Парнасах безграмотные юноши не эпатировали окончательно запутанного читателя и начинающего (м. б. серьезно) поэта шарлатанскими кунштюками. В свое время мы были свидетелями, как претворял лирический талант Асеева досужие абстрактные измышления Хлебникова в собственно поэтические факты, создавая новую вспышку романтического канона. <...>

Как поступает Лапин? Желая щегольнуть перед Лефом образованностью и понимая всё-таки, что единственной опорой для этого направленья могут явиться великие романтики прошлого, он апеллирует к гейдельбергскому романтизму, к лирической силе романтической баллады, будучи, очевидно, знаком с одним только немецким и подражательным русским (Жуковский) ее осуществленьем в поэзии прошлого века. <...>

И вот, вслед за «рыцарями романтизма» Лапин вливает новую жизнь, «завещанную Отцами Мира через Жуковского и Новалиса», в одряхлевшую и засушенную русскую поэзию. Его предтечей в этом великом деле является «великий (Sic!) Сергей Бобров» – «великая оплёванная фигура» по выраженью одного из наших крупных поэтов (тоже Sic!). Им с Бобровым мерещится ореол зачинателей новой поэтической культуры, ореол Кантемира. Ему же, Лапину, суждено еще больше:

Такой ночи (как он, Лапин) не знали
Ни Бобров, ни Кантемир.

Чуть позже Б. Горнунг высказал резкое неприятие экспериментального стихотворчества в программной статье, написанной для альманаха «Мнемозина», чем вызвал недовольство Бенедикта Лившица, который встал на защиту «поэзии наших дней» в письме к автору 20 сентября 1924 г.:

Мне очень неприятно, что среди материала, присланного при Вашем втором письме, есть статья «Пир во время чумы», с некоторыми утверждениями которой я никак не могу согласиться. Обстановка и время, к сожалению, не позволяют мне ни попытаться разубедить Вас во взглядах, которые я считаю ошибочными, ни с должной обстоятельностью изложить свои собственные – и, в частности, свое отношение к поэзии наших дней. Скажу лишь, что если не в самой точке пересечения литературных координат, о которой я мельком упомянул в предыдущем письме ⁴⁶, то в сфере ее окружения лежит и поэзия В. Иванова, и изумительное творчество Пастернака, и целый ряд прекрасных вещей Маллармэ, которому – кстати сказать – целым этапом своего развития обязан пишущий эти строки ⁴⁷.

⁴⁶ «Позицию, занятую Вашей группой, – писал Лившиц 19 августа, – считаю для данного момента идеологически-безупречной и объективно-необходимой. Желая Вашему поэтическому содружеству всяческого успеха и прошу Вас держать меня в курсе Ваших дальнейших выступлений» [Горнунг, 2001, с. 385].

⁴⁷ Ср. в напечатанной в «Мнемозине» версии статьи Б. Горнунга: «Высокое искусство не терпит избалованности и разврата. Оно найдет себе новый кастальский ключ, чтобы смыть александрийские румяна, откопанные слепым кротом Маллармэ» [Мнемозина, 1924,

Надеюсь, Вы поймете, что при столь разном подходе нашем к этим поэтам я не только не могу отнестись более или менее сочувственно к Вашей статье, но, учитывая ее декларативно-программный характер, не могу и согласиться на появление моих стихов в альманахе, где эта статья будет напечатана. Мне очень жаль, что вопрос о моем участии в «Мнемозине» приходится ставить ребром, но иного выхода из положения я не вижу, тем более, что на посылку Вам своих стихов я смотрел не как на случайное сотрудничество, а как на принятие на себя в известной мере литературной ответственности за наше общее выступление [Горнунг, 2001, с. 385–386].

Потребовалось вмешательство А. Ромма, чтобы гарантировать публикацию Лившица, который согласился, как он заверил в письме 31 октября, «участвовать в «Мнемозине» при условии, если из статьи “Пир во время чумы” будут выпущены места, которые <...> носят характер необоснованных выпадов против В. Иванова, Пастернака и Асеева» [Там же, с. 390]. Возможно, Б. Горнунг сбавил полемический накал своего манифеста, тем более что в поздних мемуарных заметках он, напротив, рассказывал о своих «футуристических симпатиях»⁴⁸, поэтому стихотворения Лившица всё-таки появились в альманахе⁴⁹.

В свою очередь, Л. Горнунг считал, что столь категоричный шаг его брата был вызван «конфликтом Б. В. Горнунга с Д. С. Усовым, участвовавшим в “Гермесе” с 3-го номера» [Поливанов, 1993, с. 46]. Можно предположить, что он был отчасти спровоцирован резким неприятием последним Г. Шпета, последователем которого считал себя Б. Горнунг. Кроме того, Усов был недоволен прохладным отношением «гермесовцев» к наследию боготворимого им Иннокентия Анненского – на осень 1923 г. пришлось их сближение с «Кифарой», московским кружком поклонников поэта⁵⁰.

«Скажу решительно: мне “Кифара” не нравится, – откровенничал Усов в письме к Е. Архиппову 2 октября. – <...> Непременно пойду, когда Аля Ч<елпанов> будет давать филологическую оценку Его <т. е. Анненского. – А. У.> переводов. Но посещать регулярно – не интересно. <...> Гнусно, что Анненский в собраниях “Кифары” как-то разбавлен... Шпетом, к<оторы>й у “кифаристов” в большом почете» [Усов, 2011, т. 2, с. 195–196]⁵¹. Временным альянсом «Гермеса» с «Кифа-

---

с. 69-70]. Ему особенно претил «аграмматизм» как стилистическая особенность поэзии Маллармэ. Именно «аграмматические конструкции, не нуждающиеся в комментариях (“и любовь сердца полн”, “открывает мор новаций крикнуть бурь Кориолан” и т. д.), идущие, по-видимому через К. Большакова от самого Маллармэ», Б. Горнунг отметил среди значительных недостатков книги Б. Лапина.

⁴⁸ «Из современной русской литературы на первом плане стоял Михаил Кузмин. Мои и Ромма футуристические симпатии не были каким-либо диссонансом, так как не выдвигались нами особенно вперед (Пастернака же очень любил и М. М. <Кенигсберг>) и не мешали нам обоим увлекаться Гофманом или Кузминым...» [Горнунг, 2001, с. 348].

⁴⁹ Эти стихотворения вошли в сборник Лившица «Патмос» (М., 1926). Сохранился экземпляр с его инскриптом: «Поэту Борису Горнунгу память встречи в Москве. Бенедикт Лившиц. 13. V. 1927» [Горнунг, 2001, с. 200]. См. *Приложение I*. Вероятно, «примирительным жестом» можно считать и разрезавшую поэтический блок Лившица в «Мнемозине» публикацию стихотворения Филиппа Вермеля «Я мечтаний детских не нарушу...», получившего заглавие «Футуристы» при перепечатке в альманахе «Чет и нечет» (см. *Приложение II*).

⁵⁰ См. записи Л. Горнунга ноября-декабря 1923 г. [Горнунг, 2019, с. 55, 57–58, 63 et passim].

⁵¹ См. замечание биографа Усова: «Он был не вполне своим среди “гермесовцев”, с которыми сошелся, приехав в Москву. <...> Б. Горнунг, более других склонный к конструи-

рой» объясняется появление среди участников четвертого выпуска журнала «радикального аннениста» С. Иренева⁵², с которым у Б. Горнунга также вспыхнул конфликт из-за «недостаточно почтительного» отношения к Анненскому.

«Была “Кифара” <...>, – записал Л. Горнунг 21 февраля 1924 г. – После заседания Бориса отозвал Сергей <Подушкин>, и они сзади рояля беседовали, по-видимому, мирно. Но, как оказалось, Сергей предлагал Борису уйти в самом миролюбивом тоне, так как он нашел оброненную Борисом записку кому-то, что он, по мнению Сергея, отнесся недостаточно почтительно к имени Анненского, найдя неудачной только что прочитанную статью его. Сергей обещал в противном случае огласить эту записку» [Горнунг, 2019, с. 85]. В это столкновение вынужден был вмешаться председатель «Кифары» поэт Арсений Альвинг (Смирнов). «Сегодня Арс был у Сергея Иренева и убедил, кажется, оставить его намеренье исключить Бориса, считая эту перлюстрацию неофициальных записок – шпионством», – записал Л. Горнунг на следующий день [Горнунг, 2019, с. 86].

Усов рассказывал о развитии взаимоотношений «Кифары» и «Гермеса» в письме к Архиппову 12 февраля 1924 г.:

У нас – совсем неладно. Начинается какой-то болезненный процесс в отношениях между «Кифарой» и «Гермесом». В «Кифаре» наметились два течения: одно – это радикальный, я бы сказал, «анненизм», почти фанатичный. Представители его: прежде всего и во-первых – С. С. Иренев, даже более, чем сам Арсений <Альвинг> <...>. На другой стороне стоят все гермесовцы: <Б.> Горнунг, Кенигсберг, Волькеннау, Челпанов и я. Это – течение академическое и «акмеистическое». Оно требует более серьезного отношения к делу, ослабления импрессионистического элемента в критике и оставления за лирикою ее истинного места, отнюдь не внося ее в обсуждение докладов и статей. Ни Иренев, ни Арсений этим требованиям нимало не удовлетворяют [Усов, 2011, т. 2, с. 207–208]⁵³.

рванию группы единомышленников, <...> в письме к Шпету 1925 г. включил Усова в число лиц (наряду с Г. О. Винокуром, М. А. Петровским, Р. О. Шор), от которых, по его мнению, необходимо отмежеваться: «Они не желают вмешиваться в сегодняшний день». Этот аргумент, кажется, был важнее <...> обвинения в «непонимании самой сущности искусства, отношению к нему прежде всего как к объекту изучения» [Усов, 2011, т. 1, с. 37–38].

⁵² «...специфический интерес представляет фигура С. Иренева, возглавлявшего в “Кифаре” крыло, по словам Д. С. Усова, “радикального анненизма”, “почти фанатичного”. С. Иренев (т. е. “Сиренев” – по одному из любимых цветов Анненского) – псевдоним Сергея Сергеевича Подушкина (1899–1937)» [Тименчик, 2017, с. 151; см. также: с. 249]. См. замечание Л. Горнунга: «После <Николая> Бернера прочла несколько стихотворений <Наталья> Перелешина. Стихи очень хорошие. Мне они как-то ближе, чем другим. Всё-таки это не чета <...> Сергеевому обсасыванию Анненского <...>. А Перелешина ближе к Гумилеву. Если будет у нас <в “Гермесе”> членом, то я буду не одиночкой. А Сергей Иренев сказал, что ее стихи – чорт знает что, пустое место. Какой дурак!» [Горнунг, 2019, с. 90–91]. Стихотворение Перелешинной «Веселый бог учил меня плясать...» появилось в «Мнемозине» (с. 32; перепечатано: [Там же, с. 713]). Ср. также его ремарку 10 апреля 1924 г.: «Сергей <Подушкин> беснуется в “Кифаре”» [Там же, с. 111].

⁵³ См., тем не менее, в письме Усова к Архиппову 14 апреля 1924 г. о стихотворении Б. Горнунга «Я позабыл, увы, Зюлейка или Гюльнар / Очаровательный давала мне урок...» (март 1924): «Посылаю <...> стихотворение Л. Горнунга, посв<ященное> мне, и посвященное мне же стих<отворен>ие одного стихотворца, хорошего гостя в лирике, печатающегося в “Гермесе” и приславшего 1 стихотворение в “Кифару”; он скрывается под литерами Б. Ф.

Постепенно накаленные отношения Б. Горнунга с этим объединением фанатичных энтузиастов, оказавшим неоправданно весомое влияние на редакционную политику «Гермеса», неизбежно перекинулись и на его положение в редколлегии. 26 июня 1924 г. он демонстративно не явился на заседание «научно-художественного совета» журнала, скорее всего по той причине, что там должен был присутствовать Усов:

Заседание совета «Гермеса» мы устроили на Пресне, но так как электричество временно там погасло, мы зажгли канделябры со свечами, только что не салными, так что получилось замечательно уютно и по-старинному. Максим <Кенигсберг> пришел раньше всех <...>.

Заседание прошло обычным порядком, собрались все, при запоздании одного только Усова (он вошел со словами «лучше поздно, чем никогда»). Не было только Бориса <Горнунга> – в первый раз. Максим огласил большую часть материала, подходящего относительно юбилейных отделов номера, прочел переводы <Бориса> Ярхо из каролингских поэтов. Новеллы <Александра> Печковского поручено выбрать редколлегии на заседании в понедельник 30/VI, а сегодня прочли только «Короля-жонглера» и отвергли.

Все разошлись, но Буслаев остался ночевать, так как у него дома рано запирают ворота [Горнунг, 2019, с. 131].

Кроме того, существенную роль в расхождении Б. Горнунга с редколлегией журнала могла сыграть заинтересованность «гермесовцев» в продолжении отношений с «Кифарой», неожиданным подтверждением которой стала пространная рецензия на «Посмертные стихи Иннокентия Анненского» (Пб., 1923), подготовленная Кенигсбергом для нового номера. До тех пор имя поэта фактически не фигурировало на страницах журнала. Даже в программной статье «Hermes» Б. Горнунг избегает писать что-либо существенное об Анненском, хотя он и упоминается мимоходом в теоретических построениях, видимо, чтобы не числить М. Кузмина единственным «предшественником» того «классицизма», который исповедовал «Гермес»⁵⁴.

«Сегодня Борис подал Максиму в Академии <ГАХН> заявление об уходе из «Гермеса», – констатировал 12 июня 1924 г. этот жест его брат [Горнунг, 2019, с. 124]⁵⁵. «Презрение к “дилетантизму” заставляло нас строго блюсти “чистоту”

В соответствии с этим называю его и я» [Усов, 2011, т. 2, с. 232]. «Б. Ф.» – от псевдонима «Борис Февраль», которым пользовался Б. Горнунг. Его стихотворение предполагалось включить в альманах «Кифары», который был предложен издательству «Земля и фабрика» под условным заглавием «Сирень на камне», но, видимо, не был собран и не вышел в свет [Там же, с. 208, 212–213].

⁵⁴ См.: [200]. Ср. в статье «Hermes»: «С каждым из последних лет всё заметнее становится, как русская литература, прежде всего лирика, выходит на путь истинного классицизма. Начав пробиваться еще в лирике “Кипарисового ларца”, классицизм получает, как своего пионера, такого блестящего мастера, как Кузмин, мелькает в стихах Ахматовой и, наконец, дает уже целую чисто классическую школу – акмеизм» [Горнунг, 2001, с. 205].

⁵⁵ На следующий день умерла мать Горнунгов. «Сегодня около половины первого скончалась мама, – записал Л. Горнунг. – Я готовился немного к этому несчастью из несчастий, к смерти самого близкого, какой только может быть, человека, и всё-таки не ожидал. Господи, за что, за что, за что... <...> Борис опоздал, она уже остыла, когда он приехал. Он посмотрел и, стиснув губы, чтобы не расплакаться, вышел со мною в другую комнату. <...> Я ему дал валерьянки, удостоверение в смерти от пришедшего врача и сказал, что надо делать» [Горнунг, 2019, с. 125–126].

науки, – комментировал сам Б. Горнунг в «Записках о поколении 20-х годов». – “Наукообразие” допускалось только *как форма изложения*, но лишь при условии полного владения автором предметом науки. Такое “наукообразие” при данном условии мы даже любили – оно давало простор для парадоксальности и даже озорства. <...> Но, повторяю, наукообразный дилетантизм мы презирали – и, поскольку он процветал в упомянутом кружке “Кифара” (А. А. Альвинг и др.), те немногие из нас, кто вначале вошел в него, скоро его бросили» [Горнунг, 2001, с. 375–376].

Наконец, роль в его решении об уходе из редакции «Гермеса» сыграл бытовой фактор – весной 1924 г. Б. Горнунг потерял работу. «Господи, что делать, что делать! – записал Л. Горнунг 24 мая. – <...> И теперь то же, и как я могу вылезти из этой ямы, в которую свалил нас отец в 1917 году, окончательно оставив без материальной помощи в 1919 г. А откуда ждать помощи, неужели всё еще от Бога? Трудно чему-либо верить сейчас. Борис тоже без службы, тоже без денег, но ему легче. Он всё-таки эти 3 года был на одном месте, как-то обеспечен, а в 1923 году и обедал каждый день, и всегда были деньги на папиросы и пр.» [Горнунг, 2019, с. 115].

Несмотря на воссоединение редколлегии «Гермеса», издание № 4 «Гермеса» завершить не удалось. Четвертый выпуск журнала так и остался «не вышедшим в свет». Помимо внутренних причин свою роль сыграли внешние обстоятельства: последний номер готовился в ситуации кризиса, вызванного собственно условиями «периода “промежутка” (Тынянов), когда распадались одни кружки и тут же образовывались другие, чтобы вскоре распасться в свою очередь» [169]. Как справедливо комментировала сложившуюся к середине 1920-х гг. культурную ситуацию М. О. Чудакова, «литературные кружки быстро привлекали внимание ГПУ и чахли еще и под давлением этого обстоятельства; московская литературная среда, едва собравшись после рассеяния 1918–1920 гг., вновь рассыпалась» [169].

Стихотворения Бенедикта Лившица представлены здесь в том виде, в каком они были напечатаны в альманахе «Мнемозина» (с. 17, 18, 20). «Уважаемый Борис Владимирович, – писал он Горнунгу 19 августа 1924 г., – с удовольствием откликаясь на Ваше предложение, посылаю Вам три стихотворения из моей последней (готовой к печати) книги “Επιφάνεια”» [Горнунг, 2001, с. 385].

Впоследствии поэт изменил название своего поэтического сборника на «Патмос», и стихотворения шли там в немного измененном порядке, но одно за другим [Лившиц, 1989, с. 85–87]. «Лившиц не сразу нашел заглавие для своей четвертой книги, – поясняли комментаторы его собрания сочинений. – <...> На обложке <“Из топи благодати”>, а также в журн<але> “Россия” (1923, № 7, с. 31) была анонсирована книга стихов Лившица 1919–1923 гг. “Эпифания”. То же название (по-гречески) приведено в ранних редакциях “Автобиографии”...» [Там же, с. 572].

В «Мнемозине» стихотворения появились с пунктуационными вариациями, но без принципиальных различий.

1.

Есть в пробужденье вечная обида:
Оно изгнание, а не исход
Из сновидения, где Атлантида
Вне времени явилась нам из вод.

Насельники исчезнувшего берега
И с явным берегом явно не в ладу,
Зачем должны мы, идя внутрь ковчега,
Менять сердцебиенье на ходу.

И петь, и петь. Иль, в самом деле, снова
Поющей плотью станет этот крик –
И выплывет из океана слова
Метафоры ожившей материк.

2.

Ни у Гомера, ни у Гесиода
Я не горю на медленном огне
И, лжесвидетельствуя обо мне,
Фракийствует фракийская природа.

Во всей вселенной истина одна,
И на земле ее раскрыли музы,
Чтоб на тебя орфические узы
Я возложил еще во время сна.

До первых звуков утреннего хора,
Пока ты не очнулась во плоти,
О милая, я должен был уйти
Из твоего земного кругозора.

Но я с тобой, невидимый тебе,
Моя Эллада, дочь моя родная, –
Когда, меня с трудом припоминая,
Ты рвешься вверх в дорическом столбе!

3.

Когда на мураве, с собою рядом
Ты музу задремавшую найдешь,
Ни словом, ни нетерпеливым взглядом
Ее видений сонных не тревожь.

Не прерывай божественной дремоты:
Застыло солнце и родник не бьет.
И только мерно заполняет соты
Благоуханный и прозрачный мед.

О, никаких не должно соответствий
Тебе искать в созвучиях – пока:
Всё за тебя и во-время, как в детстве,
Заботливая сделает рука!

Недолго ждать: незримые зефиры
Еще резвятся с музой в полусне,
Но золотое средоточье лиры
Уже обозначается вполне –

Там, высоко, в сужающемся круге,
Где бытие твое заключено,
И под рукой очнувшейся подруги
Сейчас прольется лирное вино.

Стихотворение Филиппа Вермеля (1899–1938) «Я мечтаний детских не нарушу...» уже цитировалось в научной литературе, начиная со статьи Н. А. Богомолова [1988, с. 177]. Оно приводится здесь целиком в том виде, как было напечатано в «Мнемозине» (с. 19). При публикации этого стихотворения в альманахе «Чет и нечет», одним из составителей которого выступил Вермель, ему было дано заглавие «Футуристы» [Чет и нечет, 1925, с. 11] (в другом издании – «Футуристам» [Вермель, 1997, с. 35–36]).

Второе стихотворение было написано им по поводу выхода этого альманаха в свет и обращено к соредктору Григорию Винокуру [Вермель, 1997, с. 61; 2000, с. 83].

1.

Я мечтаний детских не нарушу,
Им ли я могу быть враг,
Если юноше бубнил мне в душу
Дикий и упрямый Пастернак.

Если, перелистывая книги,
Меж обрывков и небрежных строк,
Слышу тихий
Хлебниковский шепоток.

Странные бессмысленные звуки,
Странный и блаженный вид,
Положивши на колени руки,
Он стихи невнятно говорит.

Председателя земного шара
Заглушенные слова,
Звуки, числа, запах папирос...
Недаром
У меня тогда кружилась голова.

Темное тяжелое наследство,
Разве не вобрала кровь моя.
О, мое мучительное детство,
Вырвусь ли, преодолею ль я...

2.

Чет и нечет

Г. Винокуру

Каждый в час свой кости мечет,
И для нас пришла пора,
Мы играем в чет и нечет,
Будет счастлива игра.

Мы увидим – легкий чет,
С высоты упав, как речет,
Ядовитый темный нечет
Прямо насмерть заклюет.

Прозвучит костяшек звук
Звуком ясным, чистым, четным,
И тогда наш выигрыш, друг,
Будет выигрышем почетным.

1925

II. Указатель содержания «неизданного» выпуска журнала «Гермес»

Содержание № 4 «Гермеса» приводится в формате, использованном в указателе содержания № 1–3 журнала, расписанных по экземпляру, принадлежавшему В. М. Жирмунскому [189–197].

Типовая обложка «Гермеса» работы Льва Горнунга (1923–1924 гг.)

Cover of the *Hermes* by Lev Gornung. 1923–1924

В номере присутствует расставленная карандашом пагинация, однако она представляется неверной. В предыдущих № 1–3 «Гермеса», законченных и переплетенных, все материалы, открывающие новый раздел начинаются с нечетной страницы. В № 4 этот порядок нарушен, видимо, по той причине, что выпуск сохранился только в виде отдельных листов. Поэтому здесь номера страниц указываются в соответствии с печатными условностями «Гермеса»: к цифрам, указанным в оглавлении номера, должна быть прибавлена единица, а начиная с раздела I – тройка, поскольку разделительные листы включались в пагинацию в прежних выпусках журнала. Ср., например, № 3, в котором редакционный раздел заканчивается на с. 64, а первый раздел начинается стихотворением Арсения Альвинга «Новогодний чорт» на с. 67. Получается, что стихотворения Николая Бернера начинаются на с. 29 а не (26), как проставлено в содержании № 4.

Как уже было отмечено, от выпуска к выпуску «расширяется авторский круг» журнала: если «авторы № 1 за вычетом многочисленных псевдонимов совпадают с составом редколлегии» [198], то к № 3 среди участников «Гермеса» появляются привлеченные, скорее всего, Альвингом участники литературных сборников московского издательства «Жатва», редактором и вдохновителем которого он был

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2020. № 1
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 1

вплоть до 1917 г. В третьем выпуске журнала со стихами выступили тот же Бернер¹ и Наталия Соколова, писавшая под псевдонимом «Тэа Эс»², а также Дмитрий Усов со статьей «“Vita Nuova” в полном русском переводе»³. Его участие в журнале становится еще более ощутимым в № 4, где он появляется в двух первых разделах как переводчик Маллармэ, Гёте и Рильке и как автор «Венка сонетов».

Будучи активным участником объединения «Кифара», Усов мог повлиять на исключение из авторов № 4 Соколовой, также посещавшей это сообщество⁴, поскольку был невысокого мнения о ее творчестве. «Прошлый раз, например, – рассказывал он о заседании кружка в письме к Евгению Архиппову 2 октября 1923 г., – читалась статья “Что такое поэзия?” и после этого была “круговая чаша”, т. е. каждый читал несколько своих стихотворений (среди авторов была “Тэа Эс” <sic!>)! Ну, что это такое?..» [Усов, 2011, т. 2, с. 196–196].

Одновременно он мог порекомендовать редколлегии «Гермеса» еще одного участника «Кифары» Александра Венедиктова, который, в свою очередь, привлек к журналу литературный контингент «белого» Омска – поэта Николая Шестакова⁵ и, невероятным образом, прозаика Сергея Ауслендера, бывшего пресс-секретаря адмирала Колчака⁶. С тех пор, как он вернулся в Москву, Ауслендер прилагал все возможные усилия, чтобы затенить свое прошлое, и попытался укрыться в детской и юношеской литературе, сочиняя нелепые книжки для подросткового возраста.

Все трое были также знакомы с «гермесовцами» Борисом Горнунгом и Виктором Мозалевским по интимному кружку «Зеленая лампа»⁷. «В кружок входил

---

¹ О его сотрудничестве с издательством «Жатва» см.: [Устинов, 2002, с. 13–22]. В 1919 г. Бернер напечатал стихотворение «В осени заолодевших дымов...» в другом «Гермесе», изданном в Киеве поэтом и философом Владимиром Маккавейским с подзаголовком «Ежегодник искусства и гуманитарного знания» (с. X). Этот выпуск остался первым и единственным из-за смерти Маккавейского в 1920 г. под Ростовом [Там же, с. 23–24].

² См. работу В. В. Нехотина в настоящем издании. Соколова также приняла участие в готовившемся «Жатвой» «последнем сборнике, не вышедшем в свет в 1917 г.» [Горнунг, 2019, с. 587], вместе с графиней Ниной Подгоричани, которая печаталась там под псевдонимом «Георгий Эрард» (см.: [Подгоричани, 2015, с. 327–329, 336, 338–339, 343]).

³ О его участии в сборниках «Жатвы» см.: [Усов, 2011, т. 1, с. 18–20]. Публикацию статьи Усова или, по его словам, «разбора перевода “Vita Nuova” <М.> Ливеровской (к 600-летию со дня смерти Данте)» [Усов, 2011, т. 2, с. 46] см.: [Степанова, Левинтон, 1998; 2001].

⁴ См. список участников «Кифары» («московских» и «иногородних») в письме Усова к Архиппову 12 февраля 1924 г. [Усов, 2011, т. 2, с. 210–211].

⁵ См. о нем: [Шестаков, 2019].

⁶ См. в воспоминаниях Б. Горнунга о Михаиле Кузmine: «Я пришел к нему с рекомендательными письмами от А. А. Альвинга (издателя альманахов “Жатва”) и его племянника С. А. Ауслендера, которых хорошо знал еще раньше. <...> Около 20 мая 1924 года М. А. Кузмин приехал в Москву и жил у С. А. Ауслендера не меньше двух недель» [174, 179].

⁷ См.: [Чудакова, 1988, с. 171–172]. Горнунг вспоминал вечер Кузмина в «Зеленой лампе» весной 1924 г.: «В первую же субботу пребывания М. А. Кузмина в Москве (кажется, 24 мая) кружок “Зеленая лампа” устроил “банкет-чествование” в квартире С. А. Ауслендера <...>. Присутствовали все тогдашние члены кружка, кроме М. А. Булгакова и Ю. Н. Потехина (причины их отсутствия не помню). <...> Точно помню, что присутство-

также (вернее, посещал его) языковед Б. В. Горнунг, – писала М. О. Чудакова, – рассказывавший нам в 1975 г., что само название – “Зеленая лампа” – идет от кружка, образованного в Царском Селе поэтом Г<еоргием> Масловым в предреволюционные годы и возрожденного им в первые годы революции в Омске⁸. “Приехали из Омска – Лидия Васильевна Кирьякова (душа салона), С. Ауслендер,

---

вали (кроме самого М. А. и Ауслендера и его сестры) Юр. Слезкин, Викт. Мозалевский, Н. Я. Шестаков, А. И. Венедиктов, Б. П. Денике, Е. И. Шамурин, Е. А. Галати, М. А. Косвен, Е. и Л. Кирьяковы, Н. В. Волькенау и я. <...> Читались (Н. Я. Шестаковым, А. И. Венедиктовым, Е. А. Галати и мною) стихи, посвященные М. А. Кузмину. Сидели до 5 час. утра» [179–180, 185]. Стихотворение Горнунга с посвящением Кузмину сохранилось:

М. А. Кузмину

Колдовской мороз разукрасил окна,
Вьюга на дворе всё сильнее злится,
И приюта нет от ее безумий
Птицам усталым.

Но не стану ждать я другой погоды
И пойду один по сугробам снежным
За пургой искать неоткрытый остров
В белой пустыне.

Потерял давно я волшебный камень,
Светлый сердолик, мне судьбою данный,
Мне темно в пути даже ясным утром
Лета благого.

Но ни компаса ведь, ни мудрой карты
Карфаген не знал, и руководился
Древний мореход путеводным знаком
Септентриона.

Орхидеи тлен и дурман левкоев
Закалили дух, с ведовством знаком я,
Яд не страшен мне, и могу отведать
Капель анчарных.

И среди снегов, в голубом сияньи,
Где, как мира ось, луч звезды Полярной,
Я найду опять свой желанный Брокен,
Стонущий в пляске.

Декабрь 1923 – январь 1924

[Горнунг, 2001, с. 63]. О связанности «Гермеса» с «Зеленой лампой» см.: [Соболев, 2019, с. 111–114].

⁸ Ни петроградский «Кружок поэтов», ни омский «Литературно-художественный кружок» специальных названий не имели, но Б. Горнунгу были одновременно важны генеалогия московских литературных сообществ 1920-х гг. и имя Георгия Маслова, рукописи которого, сохраненные Венедиктовым, перепечатывал его брат. См. дневниковую запись Л. Горнунга 9 февраля 1924 г. [Горнунг, 2019, с. 82], а также его стихотворение «Гнездится ловкость у ночных мышей...» с эпиграфом «Нас Боратынский вел к молчанью / И Тютчев говорил: “Тай”» из стихотворения Маслова «Не нам весеннее безумье...» [Восемьдесят восемь..., 1917, с. 6]. В собрании Л. Горнунга также сохранился список «Из юношеских стихов Г. Маслова» (ОР ГЛМ. Ф. 397. Оп. 2. Ед. хр. 435).

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2020. № 1
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 1

Венедиктов, Шамурин, Асеев, Третьяков... в Москве – на Малой Дмитровке, на квартире Кирьяковой... Туда входили Мозалевский, Е. Галати, Булгаков. Помню, что в конце 1922 г. – м<ожет> б<ыть>, в ноябре – собирались несколько раз”» [Чудакова, 1988, с. 171].⁹

Скрытый смысл существования «Зеленой лампы» угадывался на примере биографий трех новых авторов «Гермеса».

Большинство литераторов, входивших в кружок, сблизало общее желание – забыть свое недавнее прошлое или, вернее сказать, желание, чтоб о нем не вспомнили другие. Двое из них попали в Омск в феврале 1919 г. – при Колчаке: Сергей Ауслендер (1886–1943 <1937>) приехал туда из Москвы <...>, а Н. Я. Шестаков (1890 <1894> – 1974) – из Симбирска (он был уроженцем этого города). В 1927 г. сибирский писатель В. Зазубрин писал в своем очерке «Сибирская литература 1917–1926 гг.»: «В колчаковщину в Омске появилась группа поэтов “с направлением”. Группа воспевала белое движение. Во главе ее стояли поэты: Ю. Сопов, Г. Маслов, <Н.> Шестаков и др.» <...>.

Близкая судьба была, видимо, и у А. И. Венедиктова (1896–1970) – он был в Иркутске¹⁰, участвовал там в литературном кружке, известном под названием «Барка поэтов», но, видимо, побывал и на Дальнем Востоке: поэма «Мэри из Владивостока» (с эпиграфом из Г. Маслова, отступавшего с белой армией из Омска и погибшего в Красноярске от тифа в марте 1920 г.) имеет даты: «Владивосток. Осень 1918 г. Иркутск. Весна 1921 г.». Эту поэму Венедиктов напечатал в 1923 г. в альманахе «Литературная мысль» (№ 2) и ее же, по-видимому, читал до этого в «Зеленой лампе». Когда он попал в Москву, один из сотоварищей по кружку упоминал его в 1922 г. в стихах:

В Москве, наверно, Венедиктов
Помощником секретаря
Запутался среди эдиктов,
Изданных волей Октября.

Профессор Ю. Г. Оксман вспоминал в одном из своих писем (2 июня 1963 года), что в июле 1921 года – совсем незадолго до гибели – «Гумилев принял у себя в Доме искусств поэта А. И. Венедиктова, бывшего колчаковского офицера, перед тем освобожденного из тюрьмы, активного участника литературной жизни Омска 1919 г. А. И. Венедиктов передал Гумилеву как редактору отдела “Поэзия” альманаха “Литературная Мысль” свою поэму “Мэри из Владивостока”. (В начале 20-х годов мы все ее очень ценили!) Поэма очень понравилась Гумилеву, и он рекомендовал ее для печати. Рукопись поэмы, с рекомендательной отметкой Гумилева, была взята у Гумилева при аресте и вместе со всеми другими возвращена родным после его расстрела». <...>

⁹ Здесь и далее параллельно приводятся воспоминания о «Зеленой лампе» В. Мозалевского, ныне целиком опубликованные А. Л. Соболевым [Мозалевский, 2019].

¹⁰ А. Венедиктов был на Дальнем Востоке по правительственным делам, служил в Омске офицером для особых поручений (секретарем «в погонах») колчаковского премьера П. Вологодского, был эвакуирован в Иркутск вместе со всем аппаратом правительства, которое распалось в январе 1920 г. (после чего был арестован новой властью, проведя несколько месяцев в тюрьме), и только летом следующего года перебрался из Иркутска в Москву (указано В. В. Нехотиным).

Словом, каждому из собравшихся под «Зеленой лампой» было что скрывать в своей биографии недавних лет [Чудакова, 1988, с. 174–175]¹¹.

В «Гермес» Ауслендер отдал куртуазный рассказ «Морозное утро», который, как сообщил В. В. Нехотин, за пять лет до этого был опубликован в рождественском номере колчаковской газеты «Сибирская речь» [Ауслендер, 1919] рядом со стихотворением Георгия Маслова «Декабрист» («Помнишь, Лена, первый вальс на бале?...»), позже включенном им в поэтический цикл «Изгнание».

Венедиктов напечатал в № 4 три стихотворения, а Шестаков – диптих «Симбирские звери», с которым он выступил в «Зеленой лампе». «Помню наши аплодисменты Н. Я. Шестакову, – вспоминал В. Мозалевский, – прочитавшему свои стихи о Симбирске (Ульяновске), о Карамзине, о летящих над городом “симбирских гусях”...» [Чудакова, 1988, с. 173]. Другие его стихотворения, возможно, также отосланные редколлегии «Гермеса», были любезно предоставлены В. В. Нехотиным и публикуются здесь в *Приложении I*.

В *Приложении II* подобраны стихотворения авторов «Гермеса», непосредственно связанные с журналом или обращенные к другим «гермесовцам».

Используемая в именах или названиях «шпетовская орфография»¹², отмеченная неупотреблением двойных согласных в иностранных словах («Малармэ» вместо «Маллармэ») и редукцией «йотированных» суффиксов («примечанье» вместо «примечание»), приведена к сегодняшней норме.

---

¹¹ Прочитанное письмо Юлиана Оксмана было адресовано Глебу Струве. См. продолжение этого фрагмента: «Эту рукопись сам А. И. Венедиктов видел в редакции “Литературной Мысли”, когда пришел прочесть корректуру своей поэмы (рассказ А. И. Венедиктова, человека очень точного в своих рассказах и свидетельствах о прошлом). А. И. Венедиктов – член омского кружка Г. В. Маслова, его ученик и друг. <...> Как свидетельствует А. И. Венедиктов, учениками Маслова в Омске были два гимназиста – будущий известный поэт Леонид Мартынов и будущий композитор, директор Московской консерватории, Виссарион Яковлевич Шебалин» (см.: [Флейшман, 1987, р. 64–65]).

¹² См. в открытке Усова к Архиппову осени 1925 г.: «Я отказался от удвоений <согласн>ых – да, это Апол<л>оновская <традиц>ия, по-моему – просто внесение фонетического принцип<a>. Потом так писали в “Герме<се>”, а теперь Шпет вводит это по в<сей> Академии <ГАХН. – А. У.>. Это, мне кажется, <при>дает приятно необычный вид <пись>му. <...> Академия пока что – в Моск<ве>. Дела снова много» [Усов, 2011, т. 2, с. 345].

СИБИРСКАЯ РЕЧЬ № 5

СЪ РОЖДЕСТВОМЪ

СЕГОДНЯ ВЪ НОМЕРЪ: № 5

Сегодня в номере: 25 декабря 1919 г., № 5 — пятница. Издается в Новосибирске. Тираж 1000 экземпляров. Цена 10 копеек. Редакция: Сибирская Речка. Адрес: Новосибирск, ул. Ленина, 10. Подписная цена: 3 рубля в год.

СЪ РОЖДЕСТВОМЪ

Сила движется вперед
Со силой величавой и великой.
Но не жалею, как колесница жаркой,
Дорогу, которую она несет.

И вдали, там, где кончается мир,
Видю на тропе, как кончается мир.
Завыл, величавый, великий.

И. Мещеряков

Эммануиль.

Вечер в канители, вдали,
Светится над ней канитель,
О, канитель и канитель,
Почти как канитель.

Почти как канитель,
Светится над ней канитель,
О, канитель и канитель,
Почти как канитель.

Ты, канитель и канитель,
Ты, канитель и канитель,
Ты, канитель и канитель,
Ты, канитель и канитель.

И. Мещеряков

Трагический Сочельникъ.

В канители, вдали,
Светится над ней канитель,
О, канитель и канитель,
Почти как канитель.

И. Мещеряков

Морозный поѣздъ.

В канители, вдали,
Светится над ней канитель,
О, канитель и канитель,
Почти как канитель.

И. Мещеряков

Декабристы.

В канители, вдали,
Светится над ней канитель,
О, канитель и канитель,
Почти как канитель.

И. Мещеряков

Сибирь.

В канители, вдали,
Светится над ней канитель,
О, канитель и канитель,
Почти как канитель.

И. Мещеряков

Пьеро и Арлекинъ.

В канители, вдали,
Светится над ней канитель,
О, канитель и канитель,
Почти как канитель.

И. Мещеряков

Разворот рождественского номера газеты «Сибирская Речка» (7 января 1919 г.)
Pages 2-3 of the Christmas Issue of the Sibirskaja Rech' (January 7, 1919)

№ 4. Лето 1924

Стефан Маллармэ. Редакционная заметка (3); *Борис Горнунг*. «Около Маллармэ». Статья (5); *Переводы из Маллармэ*: 1) *Дм. Усов*. Окна (22); 2) *Бор. Горнунг*. Гробница Эдгара По (23); 3) *Дм. Усов*. Зимняя дрожь (24)¹³; *Бор. Шапошников*. Hommage à St. Mallarmé (26).

I (27).

Николай Бернер. 3 Стихотворения <<Содружествуя вечеру камен...>; Венеция («Закат меницейской судьбы вспоминать не забуду...»); Современность («Не в первый раз в беседах длинных...») (29); *Вячеслав Иванов*. Стихотворение <Ию («Луной над Океаном...») (31); *Александр Венедиктов*. 3 стихотворения <Гурзуф («Смотреть, как тихо выплывет феллога...»); «Она придет ко мне и скажет...»); Москвичу («Если здесь быть не можешь смелым...») (33); *Нина Волькенау*. 6 стихотворений <<Как тяжкий, черный хмель, я пью твой голос, Муза...»); «Молчи! Когда стихи устали...»); «Нет, никогда в бреде любовной муки...»); «У Пана юного зеленые глаза...»); «Как благоден душе покинутой покой...»); *À mon ami* («Притворщица. Зачем тебе нужны...») (36); *Борис Горнунг*. 4 стихотворения <<Ты снова веришь, что еще вернется...»); «Меня давно уж мчит к неведомой заставе...»); Властители («Стихии две над бытием царят...»); Плеяде («В оцепенении петербургской ночи...») (42); *Лев Горнунг*. 6 стихотворений <Колокольня («Безумных слов разнужданный табун...»); Высокое косноязычье; «Пойдемте в парк, погуляем, поболтаем» (Осеннее рондо); Грации («Они идут – пути необычайны...»); Наследие («Мы пасынки Европы с давних пор...»); «Не тебе ли плел я венок душистый...») (46); *Сергей Иренев*. 2 стихотворения <<К предсказанным, верным расплатам...»); «Не так уж несомно толсты...») (52); *Михаил Кузмин*. Стихотворение <<Зеркальным золотом вращаясь...») (54); *Дмитрий Усов*. <Любимые поэты.> Венок сонетов (56)¹⁴; *Николай Шестаков*. 2 стихотворения <Из цикла «Симбирские звери»: Гуси («Веселый звон застольного стекла...»); На Лисиной улице («Петлистые следы сплетают лисы...») (71); *Гимны Орфиков*. Гимн Мойрам. Перев<од> *Дм. Недовича* (73); *Приапovy стихотворения*. Перев<од> *Дмитрия Дементьева* и *Бориса Парского* с предисловием и примечаниями *Дм. Дементьева* (75); *Бдение в честь Венеры*. (*Peruigilium Veneris*). Перев<од> *Сергея Шервинского* (109); *Поэзия первого возрождения*. Перевод и вступительная статья *Б. И. Ярхо* (111); *Переводы из Гёте*: 1) *Дм. Усов*. Блаженное томленье (133); *Дм. Недович*. Зулейка и Хатем (134); *Дм. Недович*. Снова вместе (135); *Ник. Романовский*. Эпиграммы /Венеция 1790/ (137); *Сергей Ауслендер*. Морозный поцелуй. Рассказ

¹³ «Посылаю свой перевод “Окон” Маллармэ, – писал Усов в конце апреля 1924 г. Архиппову, – он будет напечатан в очередном № “Гермеса” по поводу исполнившегося в 1923 г. 25-летия со дня † Маллармэ. <...> Еще перевел из Маллармэ отрывок исторической прозы “Зимняя дрожь”; очень его люблю» [Усов, 2011, т. 2, с. 236–237].

¹⁴ См. описание Архиппова: «Отдельные сонеты посвящены: Андерсену – Мёрике – Эдгару По – <Э. Т. А.> Гофману – Данте – Рильке – Стерну – <А. де> Ренье – Жамму – Вл. Соловьеву – Инн. Анненскому – Раблэ – Черубине де Габриак – Шекспиру. <...> Магистрал: “Кто первый отрока пленил из вас? / Кто юноше давал часы услады?...” – помещен 15-м» [Усов, 2011, т. 1, с. 555]. Усов передавал ему мнение М. Кузмина: «Я еще забыл добавить, что он очень одобрил (и я рад этому) мой “Венок сонетов”, который ему показали в “Гермесе”. Особенно ему понравился Стерн и Ренье. Это, конечно, так и должно быть» [Усов, 2011, т. 2, с. 239–240].

(143); *Виктор Мозалевский*. Происшествие. Московская сказка (159); *Райнер Мария Рильке*. Обыденная Жизнь. Драма. Перевод и послесловие *Дм. Усова* (171).

<Раздел «II. СТАТЬИ» отсутствует>

III. РЕЦЕНЗИИ (229).

Максим Кенигсберг. Иннокентий Анненский. Посмертные стихи. Издательство «Картонный Домик». П. 1923 <168 с.; с портретом и двумя факсимиле> (231)¹⁵; *Лев Горнунг*. Н. Гумилев К синей звезде. Неизданные стихи 1918 года. Книгоиздательство «Петрополис». Берлин 1923 <74 с. + 4 нумерованные> (236); *Нина Волькенау*. М. Кузмин. Новый Гуль. Изд. Academia. Лнгр. 1924 <32 с.> (239)¹⁶; *Борис Горнунг*. Б. Лапин. 1922 книга. Московский Парнас. 1923 <56 с.> (241)¹⁷; *Нина Волькенау*. О. Мандельштам. Вторая книга. «Круг». М–П 1923 <94 с.> (247); *Нина Волькенау*. Б. Пастернак. Темы и варьации. Книгоиздательство Геликон. Берлин. 1923 <126 с.> (250); *Максим Кенигсберг*. <Павел> Муратов. Морали. Рассказы. «Геликон». Берлин 1923 стр. 86 (253)¹⁸; *Дмитрий Дементьев*. «Тит Петроний Арбитр. Матрона из Эфеса». Перевод, послесловие и примечания Г. И. Гидони. Предисловие Н. С. Гумилева. Пгр. 1923 (261);¹⁹ *Александр Челпанов*. Аристофан. «Всадники». Перевод, вступительная статья и примечания Адриана Пиотровского; / Аристофан. «Лисистрата». Перевод, вступительная статья и примечания Адриана Пиотровского. Пгр. 1923 (265)²⁰.

¹⁵ 4 апреля 1924 г. Кенигсберг прочитал доклад «Составные рифмы в лирике Иннокентия Анненского» на «заседании подсекции теоретической поэтики Литературной секции РАХН» [Шапир, 1994, с. 80]. Ср.: «По воспоминаниям Н. В. Реформатской, в 1923 г. Кенигсберг прочел в МЛК <...> доклад “О составной рифме у Иннокентия Анненского” [если верить мемуаристке, при этом присутствовали С. М. Бонди, О. М. Брик, А. А. Буслаев, Б. В. Горнунг, В. В. Маяковский, В. И. Нейштадт, А. И. Ромм и др.; председательствовал Г. О. Винокур <...>]. Никаких следов этого события в бумагах МЛК обнаружить не удалось» [Там же, с. 99].

¹⁶ Здесь и далее количество страниц в поэтических сборниках указывается по библиографии Л. М. Турчинского [Русские поэты XX века, 2007].

¹⁷ Рецензия не подписана, автор указан в содержании номера.

¹⁸ Рецензия Кенигсберга в содержании номера пропущена.

¹⁹ В № 3 «Гермеса» Дмитрий Дементьев выступил со статьей «Последнее слово о Демосфене. (По поводу книги С. А. Жебелева “Демосфен”» (с. 329–338). См. также дневниковую запись Л. Горнунга 3 октября 1924 г., уже после завершения «Гермеса»: «Сегодня Борис <Горнунг> вечером читал в Академии доклад о футуризме. В прениях участвовали Винокур, Нейштадт, Ромм <...>. Выходя, столкнулись одновременно с Перелешинной (она шла с вечера Белого) и с неким Черняком, с которым познакомились и пошли блуждать по направлению к кофейне Филиппова. Там от нас исчезли Гадзяцкий и Дементьев самым подлым образом» [Горнунг, 2019, с. 136].

²⁰ См. оговорку о А. Челпанове в письме Усова к Архиппову 5–6 января 1924 г.: «Он... сейчас не могу говорить о нем по существу. <...> Свой медлительный и благородный филологический ум, свой безупречно академический стиль и прежде всего: 6–8 часов своего дорогого времени – принужден посвящать канцелярии. На досуге ходит в Румянцевскую и Университетскую Библиотеки, пишет филигранное исследование “об Амфирае и Трофонии” на оборотах ведомостных листов казенного образца. Вполне покорился всему,

Стихотворения Николая Шестакова (1894–1974) публикуются по автографу из хранящейся в семейном архиве записной книжки Надежды Глен-Шестаковой (1896–1981).

Симбирские звери

1.

Гуси

Веселый звон застольного стекла,
Любовный бред и сказку древней Рўси
Носили некогда в своих крылах
Симбирские откормленные гуси.

Весенним вечером, в глухом пруду,
В Языкове иль в водах Старой Майны
Они клевали желтую звезду
И слушали и постигали тайны.

Чтобы потом беззлобно и легко
Нечесаная птичница Лукерья
Повыдергала сморщенной рукой
Гусиные бестрепетные перья.

Теперь мороз. На липах седина.
А в комнате, при теплом полумраке
Скрипит перо в руке Карамзина,
Вычерчивая вычурные знаки.

Сей легкий скрип с полночи поднял Русь,
И вновь от сна воспрянул Капитолий.
Хвала тебе, симбирский жирный гусь,
Рожденный и зарезанный в неволе.

2.

На Лисиной улице

Пеглистые следы сплетают лисы.
На Лисиной – дремучие леса,
Где сосны, северные кипарисы,
Вершинами уходят в небеса.

Совиный вой и ветра звон протяжный
Ощерясь передразнивает волк.
И возле – дом в колоннах двухэтажный,
Горелый пень и телеграфный столб.

не вспоминает прошлого и не заглядывает в будущее. Стойкий стоик» [Усов, 2011, т. 2, с. 203].

Из тростника взлетают с треском утки.
В малиннике малиновка поет.
По вечерам к водопроводной будке
На водопой собирается зверье.

Медвежий след, что человечесья лапа.
В конурке дворник, что в норе барсук.
А камфоры и нафталина запах
Один и тот же дома и в лесу.

В печи дрова я поджигаю спичкой
И ночи жду, когда в лесу глухом
Ты обернешься рыжею лисичкой
И прибежишь ко мне за петухом.

Гнилой силок не годен для развязки.
Лишь – глазомер и верная рука.
Чадит очаг. Сторают искры в пляске.
И пара глаз – два желтых уголька.

28 октября 1923 г.

Любовь и ветер на студеном море.
Глубоких звезд любимые глаза.
Мы день и ночь то молимся, то спорим,
А синие валы бегут назад.

Как ветер северный, любовь крепчает,
Рвет паруса на утренней заре.
Холодных рук и белокрылых чаек
Дыханием горячим не согреть.

Душа любимой – солнце на востоке –
Бросает в небо алую стрелу.
Пылает кровь, и розовеют щеки
И губы жжет морозный поцелуй.

Наш парусник, что птица в белой пене,
Нырять и выпрыгивает вновь...
На берегу – лисицы и тюлени,
В студеном море – ветер и любовь.

***

Тяжела медвежья доха –
Мое ночное жильё.
Я сложил четыре стиха,
Пока надевал ее.

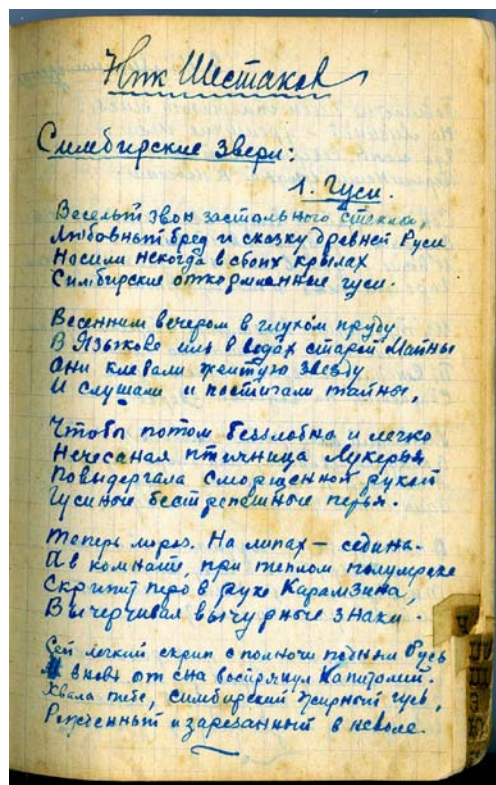
И пропало кафе «Палас»
И недопит стакан вина.
Подмороженный желтый глаз
Приоткрыла во мгле луна.

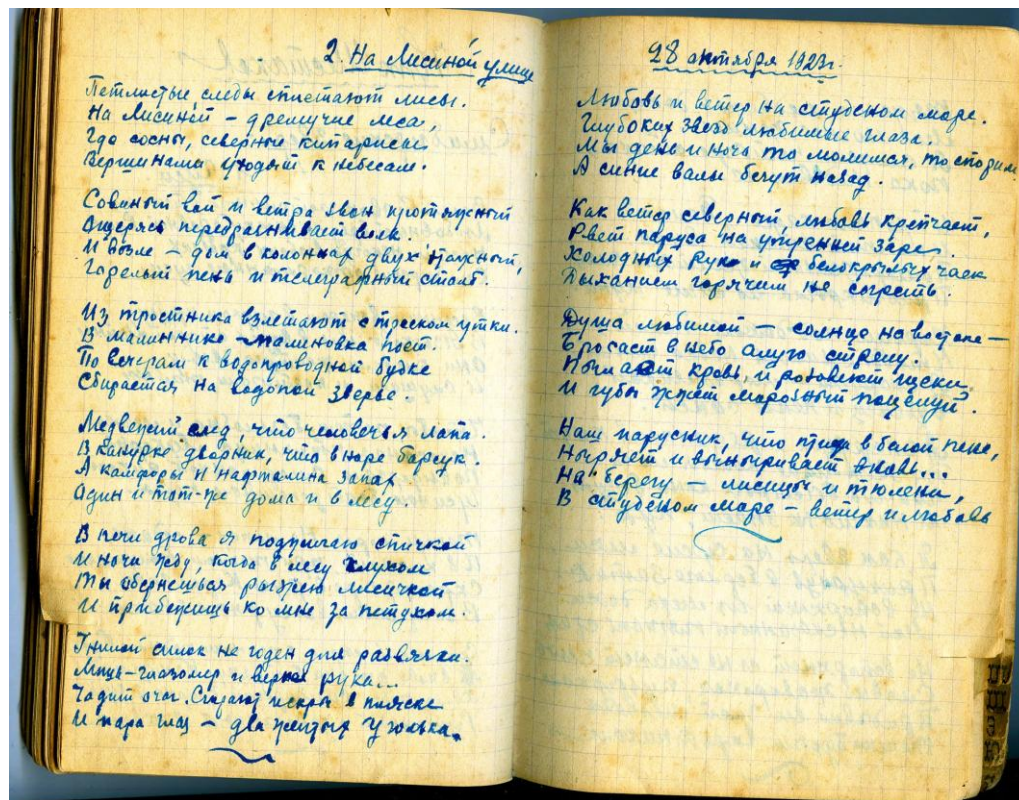
Хорошо под дохой такой,
Чтобы снилось небо синей.
А снаружи – мороз лихой,
Бубенец и пенье саней.

А снаружи – ременный кнут.
Да звенящие комья льда.
Чьи-то быстрые кони бегут
И никто не знает, куда.

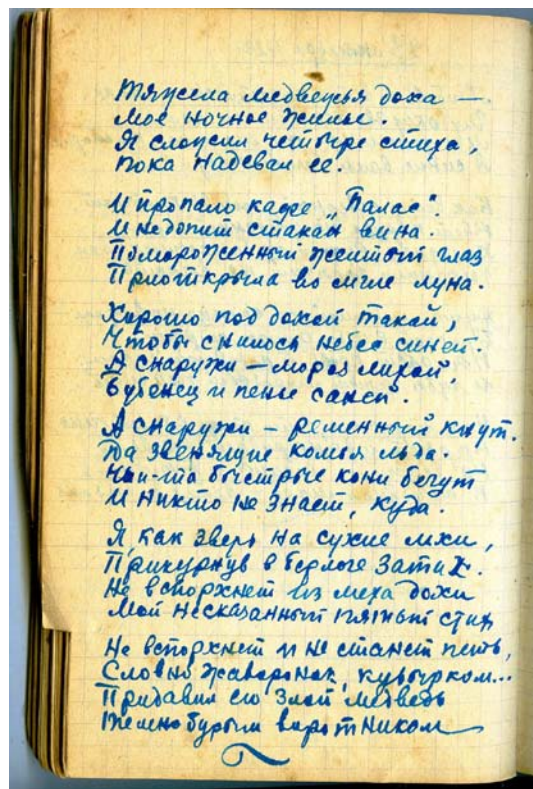
Я, как зверь на сухие мхи,
Прик<о>рнув, в берлоге затих.
Не вспорхнет из меха дохи
Мой несказанный пятый стих.

Не вспорхнет и не станет петь,
Словно жаворонок, кувырком...
Придавил его злой медведь
Темно-бурым воротником.

Автографы стихотворений Николая Шестакова (начало 1920-х гг.)
Nikolai Shestakov's poems. Early 1920s

Мягкая медведь дога —
Мое ночное чтение.
Я слышу чей-то стук,
Пока надеваю ее.

И пропало кафе "Панас"
И недопий стакан вина.
Подмаренный трескотный шаг
Примой кровля во сне луна.

Хорошо под давай такой,
Чтобы слышало небо синей.
А снаружи — мороз и лед,
Бубенцы и пены сажен.

А снаружи — решенный кнут.
На звонкие камни льда.
Книжка вглубь кони бегут
И никто не знает, куда.

Я как зверь на сухие мхи,
Прикурнув в берлоге Зайки.
Но вояхней из меха дожи
Мой несконченный пятый стук.

Но вояхней и не слышит пень,
Словно правая рука, курьезком...
Придавил его Звон медведь
Темно бурой варт Ником

Николай Шестаков с Надеждой Глен-Шестаковой
Nikolai Shestakov with Nadezhda Glen-Shestakova

Венок «Гермесу»

Нина Волькенау

1 ²¹.

Максу

Устало всё на свете, как и я.
Тоскливо-серы, облака повисли.
И невских вод тяжелая струя
Свой лед влачит, как о немиле мысли.

И даже золотого корабля
В изнеможении поникли крылья.
Чахоточный и злой больной, земля
Неизлечима уж в своем бессильи.

Приди ко мне, склонись ко мне на грудь.
Мы нежностью пьянем, как эфиром.
Луна усталая свершает путь
Над опустелым, утомленным миром.

16 апреля 1923.

2 ²².

К.-Г.

У Пана юного зеленые глаза
От сока забродившего мутнеют.
В них прячется малютка-стрекоза,
Смеется, и крылами голубеет.

Цвет дымных туч, разорванных, крылатых,
Сливает с ними синяя гроза,
И отражает золото заката
У Пана древнего прозрачные глаза.

Июнь 1923 г.

---

²¹ [Гермес, 1923, № 3, с. 79].

²² [Гермес, 1924, № 4, с. 39].

3²³.

**Друзьям
(11 янв. 1924)**

Здесь не ласкал кифару Аполлон,
Кастальская струя не протекала,
К лесным ручьям, скрывая нежный стон,
В любви к Нарциссу нимфа не сбегала.

Волна морей, жилище nereид,
Из синих недр богиню не рождала;
В разливы человеческих обид
Нектара капли Геба не роняла.

Нет! Не нектар! Мы стон метелей пьем,
Уже неисчислимые столетья;
Мы ночь земли тревожно познаем,
Подавлены ее великолепьем.

Снега, снега... Смелей, друзья, смелей!
В ночной глуши хмельней и слаще лозы,
На белом саване цветут алей
Бессмертные аттические розы.

Метель шумит, и старые встают
Из ней борцы, всё ту же мысль лелея,
Что тростники и в вьюге запоют,
И светлый бог слетит к гипербореям.

Николай Бернер

4²⁴.

Содружествуя вечеру камен,
Остановись, бунтующее время,
Забот и мысли растворилось бремя
И нам союз, как никогда блажен.

Медлительно охватывает сон
Нечаянное новоселье наше, —
Прелестный друг, вино вскипает в чаше.
Задремывает лист. Камин зажжен.

<1923.>

---

²³ [Мнемозина, 1924, с. 13].

²⁴ [Гермес, 1924, № 4, с. 29].

Лев Горнунг

5²⁵.

Ли́ра Пушкина

Николаю Бернеру

Не верится: его меж нами нет.
*Н. Б.*²⁶

Блажен поверивший, что Пушкин здесь меж нами,
Кому он слышится, как недалекий, свой
И слов, всегда живых, немое волшебство
Кому в ночи идет вслед за немymi снами.

Не связано ль оно с прошедшими годами,
Виденье прошлых лет, бывшего торжество,
И может, тот Парни, что увлекал его,
И нас заморозит блестящими стихами.

Где он? Поклонник муз, служитель вечный Феба,
Когда б опять его мы увидеть могли б,
Там, где Петрополь нас зовет в сады Эреба
Столетним сумраком от царскосельских лип
И Лиры огненной пылающий изгиб
Блестит созвездием на черном фоне неба.

1923²⁷.

6²⁸.

Колокольня

Н. В. Волькенгау

Медный колокол на башне...
Н. Гумилев

Безумных слов разнузданный табун
Он укротил рукою своевольной
И всё собрал – безжалостно, как гунн, –
На привязи, под старой колокольной.

---

²⁵ [Гермес, 1923, № 3, с. 70].

²⁶ Заключительная строка сонета Н. Бернера «О Пушкине» [Гермес, 1923, № 3, с. 69].

²⁷ Сохранился экземпляр поэтической книги Н. Бернера «Осень мира» (Киев, 1922) с дарственной надписью: «Без трафарета обычного посвящения с искренне-дружеским чувством дарю “себя” в этой книге Льву Владимировичу Горнунгу. Автор 24/5 1923 г. Н. Бернер» [Аукционный..., 2016, с. 64 (Лот № 165)].

²⁸ [Гермес, 1924, № 4, с. 46]. Ср. публ.: [Усов, 2011, т. 2, с. 229–230].

С тех пор слова его – колокола –
Поют зарей над заходящим миром,
Когда встает густеющая мгла,
Да запад опьяняется эфиром.

Но никого в года великих смут
Не миновало мщенье гильотины, –
Пусть гении для смертного умрут,
Чем смертные в своих подвалах сгинут.

И он ушел, пленительный звонарь,
Как ветер севера, холодный и безбольный,
И только звезды да луны фонарь
Плывут в ночи и бредят колокольной.

1923.

7²⁹.

Арсению Альвингу

Угрюмый Пан! В венке зеленом
Я заключил пьянящий хмель.
Меж пальцев флейта – с легким стоном
Бежит стремительная трель.

И вьется в ней, не умолкая,
Не обрываясь, не спеша,
Моя упрямая и злая
И сумасшедшая душа.

1924.

Арсений Альвинг

8³⁰.

От разрыва сердца...

Памяти М. М. Кенигсберга

Как: чтоб вот этот сгусток крови ало-черной –
Такой ничтожный, скользкий, маленький комок,
Какому-то, извне, велению покорный,
Остановить во мне биенье жизни мог?..

---

²⁹ [Чет и нечет, 1925, с. 18] (без посвящения); ср. публ.: [Горнунг, 2019, с. 686–687]. «Видел сегодня отпечатанный экземпляр “Чета и нечета”²⁹; записал Л. Горнунг 17 марта 1925 г. – Страшно видеть свои стихи напечатанными» [Там же, с. 141]. Эту подборку он назвал в позднем инскрипте на экземпляре альманаха «мое первое выступление в печати» [Аукционный..., 2016, с. 79 (Лот № 210)].

³⁰ [Горнунг, 2019, с. 698–699].

Оледенить и кровь и буйное движенье
И сразу погасить в моем сознании мир?..
Да нет же – это ложь! Да это – наважденье!..
Нежней, разымчивей звучите, струны лир!
Мы позабудем всё: и черное похмелье,
И эту дрожь руки, и синеву у глаз,
И ядовитое, спасительное зелье,
Отодвигающее темный смертный час –
Мы будем просто жить... О, вот она, отрада:
Как воздух нежный сладостен и синь...
.....
О, нет! Я не готов для страшного парада!
Уйди, безногая! Уйди! Еще не надо!..
Уйди, проклятая! Уйди скорее!.. Сгинь!!!...

1/VII <1924>.

Борис Горнунг

9³¹.

Н. В. Кенигсберг

И во всём безнадёжность желанья:
«Только б жить, дольше жить, вечно жить»...
И. Анненский

Искра падучей звезды,
Иней деревьев пушистых,
Меркнувший свет аметистов
Всё мне казалось – тянущийся струйкою дым
К высям загадочным.

Выси же были светлы;
Ярким сиянием летнего утра
Нежным, но блещущим светом зари на восходе
Вниз проливались они. И приходит
Каждый раз снова время отплыть
К дальней манящей полоске.

Линии чертятся ясно,
И даль сократилась,
Форум шумящего Рима перед глазами мелькнул,
Дрожью откликнулся в теле знакомый откуда-то гул,
И кажется снова напрасным
Желанье, чтоб жизнь, не спеша,
Ба серую дымку скатилась,

---

³¹ [Горнунг, 2001, с. 39].

И в дни, когда пламя светильника,
Светящего в сад сквозь окно,
Меркнет пред яркой игрою лучей
На мощёных больших, площадях,
И запах забылся подвала могильного, —
Не верю я в то, что быть может давно
За злою оградой тополь зачах.

Февраль 1923.

10³².

Плеяде

Алексею Буслаеву.

В оцепененьи петербургской ночи
Упрямый Гнедин медленно низал
Тяжёлый бисер — и слепые очи
В рассветной мгле России указал.

И нэктаром напоённая стая
В надзвёздный край взметнулась без цепей,
Могучим клёктом в небе заглушая
Низинный скрип кибиточных степей.

Мы позабудем пёструю прикрасу —
Мазурку, шпоры, пунш и зеркала,
В шуточных протоколах Арзамаса
Услышим звон надзвездного стекла

И вспомним, что за вольность и дуэли
Рок посылал Кавказ и Кишинёв,
Чтоб волосы Тамары шелестели
И цвел букет Бахчисарайских снов.

Но срок прошёл, туман с болот поднялся,
Был вновь прикован русский Прометей,
И древний склеп никем не охранялся,
И выл шакал над горами костей.
Поднимет ли опять встревоженное время
России брошенной потерянное бремя?

Декабрь 1923 г.

---

³² [Гермес, 1924, № 4, с. 45]. Ср.: [Горнунг, 2001, с. 62].

11³³.

Вагнер

М. Кенигсбергу

Из мусикийских оргий в Слово
Нашедший солнечный просвет,
Твой тиранический ответ,
Разреживает мглу былого.

Светильники и алтари,
И голос Элевсина вещей,
Наяды, люди, птицы, вещи –
Весь мир сошелся до зари.

Внимают Бальдеру гобои,
И Тор следит полёт фанфар,
Но неожиданный удар
Предназначается обоим.

Покинув облачный Олимп,
Всеочистительное пламя,
Плывя над Валгаллой, кругами
Очерчивает светлый нимб.

2 мая 1924.

12³⁴.

Памяти М. К.

Довлеют юности высокие стремленья
Как влага страсть кипит и рвется к искупленью

По склону катится за годом новый год
Но холод с запада нам ураган несет

Темнеют небеса губя дары Эрота
Уже вращается в них колесо расчета

Моления вознося жидителям – богам
Порывам конченным мы строим новый храм

---

³³ [Горнунг, 2001, с. 69–70].

³⁴ [Горнунг, 2001, с. 96]. Стихотворение должно было появиться в невышедшем выпуске «Гиперборей», охарактеризованного его редакторами как «издание не периодическое, но все-таки повременное» [Гиперборей, 1926, с. 5]. О не доведенном до завершения втором альманахе, где должны были появиться стихи тех же авторов, что и в первом (ср.: [Поливанов, 1993, с. 49])– Б. Горнунга, В. Нейштадта, А. Ромма и Н. Бернера (под псевдонимом «Ф. Николаев») – см.: [Воробьева, 2000, с. 181–182].

И отвращая взор от пустоты пространства
Растет у нас в сердцах тупое постоянство

Ничто не умерло и только то мертво
Что на глубоком дне не знало никого

И вот маячит нам отторгнувшим блаженство
Бесформенный хаос как призрак совершенства

Июнь 1925.

**Фотографии авторов журнала «Гермес»
Portraits of the *Hermes*' authors**

Арсений Альвинг (Смирнов)
Arsenii Alving (Smirnov)

Сергей Ауслендер
Sergei Auslender

Николай Бернер
Nikolai Berner

Александр Венедиктов
Aleksandr Venediktov

Лев Горнунг
Lev Gornung

Виктор Мозалевский
Viktor Mozalevskii

Дмитрий Усов
Dmitrii Usov

Сергей Шервинский
Sergei Shervinskii

III. Addenda ad volumen

Можно себе представить, как был поражен Гфм, когда, взглянув по своему обыкновению на подпись, увидел имя Шнюспельпольда.

Эрнст-Теодор-Амадей Гофман

Не отраженье жизни, но вторая
Жизнь восстаёт из устной скорлупы.

Томас Венцлова

1. Кузмин в журнале «Гермес»: дополнения к публикациям

Памяти Лоры Степановой

i. О стихотворении «Турин»

В своих воспоминаниях о встречах и общении с Михаилом Кузминым Борис Горнунг привел в том числе два стихотворения поэта – «Зеркальным золотом вращаясь...» и «Эфесские строки». Второе сопровождалось примечанием: «Стихотворение (возможно, никогда не опубликованное), присланное М. А. Кузминым для альманаха “Мнемозина”» [182]. В этом машинописном «альманахе поэзии и критики», составленном Горнунгом и Александром Роммом в 1924 г., оно напечатано на странице 16 [Поливанов, 1993, с. 48]. В 1988 г. «Эфесские строки» были опубликованы Н. А. Богомоловым [Кузмин, 1988, с. 77–78] и включены в подготовленный им для «Новой библиотеки поэта» том Кузмина. В примечаниях составитель отметил, что между версиями стихотворения, напечатанными в «Мнемозине» и в приложении к воспоминаниям Горнунга, «разночтений нет» [Кузмин, 1996, с. 786].

Иной комментарий сопровождал в этом собрании стихотворение «Зеркальным золотом вращаясь...», которое в авторском списке произведений начала 1920-х гг., как любезно сообщил нам А. Г. Тимофеев, было обозначено под заглавием «Турин» [184]. Горнунг считал, что Кузмин напечатал это стихотворение в своей поэтической книге «Параболы», выпущенной на исходе 1922 г. издательством «Retropolis» в Германии и практически недоступной в Советской России¹. Согласно его воспоминаниям, Горнунг получил рукопись «Турина» от самого поэта во время своего пребывания в Петрограде в августе 1923 г.:

Тематикой наших разговоров с М. А. Кузминым у него дома было обсуждение журнала «Гермес» и моих стихотворений, не вошедших в него, которые М. А. беспощадно разругал. Общую же платформу «Гермеса» он полностью одобрил, в частности, считая, что позиции «неоклассицизма» и «акмеизма» вполне совместимы с высокою оценкою Иенского (но не позднейшего) романтизма. <...> Он читал также свои стихи из сборника «Параболы», только что вышедшего тогда в Берлине

¹ См.: [Кузмин, 1996, с. 753–754].

(у самого М. А. был только один экземпляр). Одно стихотворение оттуда он дал в № 4 нашего «Гермеса», собственноручно переписав его (автограф хранится у меня).

Вот это необычное для Кузмина (хотя м. б. и близкое в чем-то уже «гностическим» стихам в «Нездешних вечерах») <стихотворение>. (Мы включили его в № 4 «Гермеса», хотя дух его был нам довольно чужд)... [175–176].

4 января 1924 г. Горнунг извещал Кузмина в недошедшем до адресата письме: «Полученное мною от Вас стихотворение помещено в № 4...» [Горнунг, 2001, с. 381]. Не имея возможности сверить переписанный Горнунгом текст «Турина» ни с автографом, ни с версией, представленной в четвертом «невьшедшем» выпуске «Гермеса», мы с М. О. Чудаковой решили опубликовать его в доступном на тот момент виде. Это решение нельзя было считать ошибочным, однако ошибок не избежал переписчик.

Вскоре после выхода материалов «Пярых Тыняновских чтений» стихотворение Кузмина было опубликовано Г. А. Моревым в «Литературном приложении» к парижской газете «Русская мысль» со следующим пояснением: «Автограф стихотворения сохранился в архиве Б. В. Горнунга и был передан в дар Музею Анны Ахматовой в Фонтанном Доме М. Б. Горнунгом. В настоящее время М. Б. Горнунг занимается разбором архива своего отца и, в частности, готовит к печати его воспоминания о Кузмине» [Неопубликованное..., 1990, с. II].

Последнее утверждение было явно фигурой речи, поскольку не соответствовало действительности: Б. Горнунг записал свои воспоминания в тетрадь, которую его вдова, «выполняя эту волю покойного, передала» М. О. Чудаковой. «Это была светло-зеленая школьная тетрадка московской фирмы “Восход” с “законами пионеров Советского Союза” на задней обложке. На первом листе обложки крупно, “печатными” буквами, чуть дрожащим почерком было выведено имя автора и заголовок. Тетрадь пролежала в моем архиве 13 с лишним лет» – пояснила он а в предисловии к публикации воспоминаний о Кузмине [172].

Как оказалось, напечатанная в «Литературном приложении» версия «Турина» тоже оказалась не без изъянов. «Сверка публикации с автографом показывает, что точнее сделана первая» [Кузмин, 1996, с. 786], – пояснял Н. А. Богомолов, имея в виду версию в воспоминаниях Горнунга. Его собственная публикация стихотворения в кузминском томе «Новой библиотеки поэта» была заново сделана по автографу [Там же, с. 654–655, 658]. Именно на нее следует полагаться при сравнении с тем, как выглядела самая первая печатная версия «Турина», когда это стихотворение было «набрано» Л. Горнунгом на пишущей машинке ЮСТ для четвертого «неизданного» номера «Гермеса» (с. 54–55).

Зеркальным золотом вращаясь
в пересечении лучей,
(Лицо, лицо, лицо!..)
стоит за царскими вратами
невыносимый и ничей.

В осиной талии Сиама
искривленно качнулся Крит.
(Лицо, лицо, лицо!..)
В сети сферических сияний
неугасаемо горит.

Если закрыть лицо покрывалом плотным,
прожжется <шитье> тем же ликом.
Заточить в горницу без дверей и окон,
с вращающимся потолком и черным ладаном,
в тайную и страшную молельню, –
вылезет лицо наружу плесенью,
обугленным и священным знаком.
Со дна моря подымет невиданной водорослью,
Из могилы прорастет анемонами,
лиловым, тайным огнем
замреет с бездонных болот.

Турин, Турин,
блаженный город,
в куске полотна
химическое богословие хранящий,
[хранящий,]
радуйся ныне и присно!

Турманом голубь: «Турин!» кричит,
поток По-река посреди кипит,
солдатская стоянка окаменела на век,
я – город и стены, жив человек!
Из ризницы тесной хитон несущи,
самого господина господом спасу!

Не потопишь,
не зароешь,
не запрешь,
не сожжешь,
не вырубешь,
не вымолишь
своего лица,
бедный царек,
как сам изрек.

В бездумные, легкие, птичьи дни, – выступало.
Когда воли смертельной загорались огни, – выступало.
Когда голы мы были, как осенние пни, – выступало.
Когда жалкая воля шептала «распни!», – выступало.

Отчалил золотой апрель
на чайных парусах чудесных, –
дух травяной, ветровый хмель,
расплавы янтарей небесных.
Ручьи рокочат веселей,
а сердце бьется и боится:
всё чище, девственной, белей
таинственная плащаница.

Открываю руки,
открываю сердце,
задерживаю дыханье,
глаза перемещаю в грудь,
желанье в голову,
способность двигаться в уши,
слух – в ноги,
пугаю небо,
жду чуда,
не дышу...
Еще, еще...

Кровь запела густо и внятно:
«Увидишь опять вещи пятна».

Апрель 1923 г.

ii. Нина Волькенау о «Новом Гуле»

В публикации «Материалы о Кузмине в журнале “Гермес”» нам уже приходилось отмечать, что при сравнении работ Нины Волькенау (1901–1973?) с другими напечатанными там теоретическими выступлениями «гермесовцев» очевидно, что, она «в некоторых своих взглядах отличается от остальных участников журнала: для нее классицизм представлен именами Мандельштама и Ахматовой, а Гумилев – главный мэтр для прочих авторов “Гермеса” – ни разу в ее статьях не назван» [Левинтон, Устинов, 2001, с. 325]. Даже в докладе «Лирика Михаила Кузмина», прочитанном ей 4 декабря 1925 г. в ГАХН², Гумилев фигурирует только как рецензент сборника «Сети»: «В “Сетях” Кузмин для современников “является рассказчиком только своей души, своеобразной, тонкой, но не сильной и слишком далеко ушедшей от тех вопросов, которые определяют творчество истинных мастеров”» (Н. Гумилев, газ. “Речь”, 1908 г., № 121 от 11 мая) [Морев, 1997, с. 366].

Если О. Мандельштам и А. Ахматова выступают достойными примерами того «классицизма», который исповедовали авторы «Гермеса», то на роль «зачинателя» классицизма *in vicem* Гумилева Волькенау выбирает как раз Кузмина. Она недвусмысленно оглашает свою позицию уже в № 1 «Гермеса», рецензируя книгу Федора Сологуба «Свирель. Русские бержереты» (Пб., 1922):

Кузмин первый возвестил наступление нового русского классицизма – и вот не престанно ширятся его завоевания, и среди молодых поэтов и среди ветеранов поэзии-благовеста, поэзии символов и несказуемости, не престанно обогащаются и разнообразятся классические школы, впитывая в себя и творчески возрождая разнообразнейшие классические *genres* минувшего, ища и создавая свои. И вот мы,

---

² «В настоящее время работаю над докладом “О лирике Мих. Кузмина”», – сообщила Н. Волькенау в Curriculum vitae, поданном ей в тот же день в Литературную секцию ГАХН [Левинтон, Устинов, 2001, с. 333]. К 1924 г. относится ее стихотворение «Ароматами умастила тело, / Грудь, что ты любил целовать, и плечи...», которому предпослан эпитафия из «Александрйских Песен» М. Кузмина [Мнемозина, 1924, с. 43].

с удивлением читая имя Федора Сологуба на «Свирели», маленьком *chef-d'oeuvre* е словесного ремесла, многое пойдем и многому порадуемся, прочтя далее: 1921.

«Свирель» является блестящим примером той творческой стилизации, которая, проникшись вполне формой стилизуемого *genre*'а, его органическим своеобразием, умеет облечь эту форму новым живым и гибким материалом, умеет сделать живым для своего времени – бывшее живым, сыграть на рояли клавесинную пьесу, сохранить ее оригинальную прелесть [Левинтон, Устинов, 2001, с. 325] ³.

Наблюдение о том, что поэт умеет подобрать «новый живой и гибкий материал» и сделать «живой для своего времени» давно существующую «форму» ⁴, Волькенау переносит в отзыв о сборнике Кузмина «Новый Гуль», написанный буквально в течение месяца после его выхода в свет ⁵. Здесь она противопоставляет собранные в этой «маленькой книжке» произведения «темным стихам» Кузмина, которые заставили его читателей и почитателей «опасаться, что он решительно вступает на путь душного, магического мистицизма» ⁶.

Сходное противопоставление Волькенау сделала и в докладе «Лирика Михаила Кузмина», отметив, что этот сборник оказался неожиданным исключением в творческой эволюции поэта ⁷: «“Новый Гуль” – маленькая книжечка любовных стихов 1924 г. написана неожиданно в старой манере. Но следующие – рукописные – стихи (до конца 1924 года) дают основание полагать, что в дальнейшем

---

³ См. дневниковую запись Л. Горнунга 16 марта 1924 г.: «На Балчуг зашел Максим. Вместе читали письма, полученные от Нины из Твери, и рецензии ее» [Горнунг, 2019, с. 94].

⁴ См. наше замечание, что Волькенау включает в рецензию «инверсию традиционной литературоведческой метафоры: не материал облекается в форму, а форма в материал – явное влияние столь оспариваемых “Гермесом” формалистов» [Левинтон, Устинов, 2001, с. 325].

⁵ См. запись А. Кроленко, руководителя издательства «Academia», в дневнике 23 мая 1924 г.: «Кузмин получает пробный экземпляр своего сборника “Новый Гуль”. Митрохин – смотрит пробный экземпляр “Нового Гуля” и приходит в большое огорчение от искажения его обложки. В ней перепутана черная и красная краски, и обложка, действительно, имеет странный вид» [Кузмин, 1996, с. 765]. 5 июля М. Кузмин писал В. Руслову в Москву: «“Нов<ого> Гуля” не слал, потому что именных *печатных* экземпляров (т. е. с напечатанной фамилией владельца) еще не сделали, и сделают экземпляров пять, а экземпляры *quasi* именные с надписанной фамилией рукою издателя, или его служащего, или моею, не представляют особенного интереса. Такой я могу выслать хотя бы во вторник. Обложка испорчена, т. к. перепутали клише и черное напечатали сепией, а сепию черным, так что Гуль, вообще непохожий, получился с бакенбардами. Сам Гуль жив, здоров, из университета не вычищен и скоро отбудет в Москву. <...> От Москвы у меня остались воспоминания *plutôt* приятные. “Абракасас” запретили за литературную непонятность и крайности. Хлопочем. Наверное, зря» [Тимофеев, 1990, с. 191].

⁶ См. оговорку в воспоминаниях Б. Горнунга: «Нас (в “Гермесе”) этот поворот в поэтическом мировоззрении Кузмина очень огорчил <...>. Но наше огорчение скоро прошло, когда в последующих двух сборниках (“Новый Гуль” и “Форель разбивает лед”) мы узнали *прежнего* Кузмина (ср. рецензию Н. В. Волькенау в № 4 “Гермеса”)» [178–179].

⁷ Ср. в ее тезисах «О лирике М. Кузмина»: «“Новый Гуль”. Дальше?» [Левинтон, Устинов, 2001, с. 334].

творчество Кузмина пойдет скорее по пути несколько темного и расплывчатого эмоционализма «Парабол» [Морев, 1997, с. 369]⁸.

В «Новом Гуле» Волькенау увидела «лучшие грани знакомого и любимого творчества», отметила «признаки подлинного для нас Кузмина» и призвала воспринимать каждое из стихотворений сборника в «его непосредственной, почти всегда целостной поэтической значимости». «При наличии таковой, – написала она в заключение, – эта прозреваемая за стихами ткань только обостряет новым, волнующим элементом эстетическое впечатление от стихов Кузмина – живое, светлое и пленительное»⁹.

Как уже было отмечено, в трех «изданных» выпусках «Гермеса» появились только две специальные работы, посвященные поэту, – рецензии Максима Кенигсберга на книгу «Лесок» в № 1 (с. 123–125) и на три выпуска альманаха «Абракасас» в № 3 (с. 417–420), напечатанные им за подписью Шнюспельпольд, позаимствованной у Э. Т. А. Гофмана и обыгрывающей своим ритмическим рисунком фамилию автора¹⁰. Отзыв Волькенау из четвертого «неизданного» номера встает в тот же ряд отдельных работ в «Гермесе», посвященных Кузмину¹¹.

М. Кузмин. «Новый Гуль». Издательство «Academia». Лнгр. 1924. стр. 31.

Темные стихи в «Абракасасе» были последними, дошедшими до Москвы, стихами Кузмина, и давали повод опасаться, что он решительно вступает на путь душного, магического мистицизма, элементы которого уже очень давно встречались в его

---

⁸ Отвечая в прениях по докладу, Волькенау представила дополнительные соображения относительно его творческой эволюции:

По поводу замечания о недостаточной связи теоретических высказываний Кузмина с его поэтической практикой приходится сказать, что теоретические высказывания подчеркивают это единство многообразных его устремлений. Докладчицей хронологически подчеркивались и даты теоретических высказываний, и даты стихов, хотя это методологически неправильно:

1. «О прекрасной ясности» – «Сети» – «Новый Гуль»

2. «Декларация эмоционализма» – «Параболы»

Невнятность «Парабол» является доведением мистической стихии до абсурда, до своеобразно искаженных внешних средств выражения [Морев, 1997, с. 372].

⁹ [Гермес, 1924, № 4, с. 239–241]. Как следует из его письма 3/5 сентября 1924 г., Б. Горнунг вместе с ним переслал М. Кузмину «письмо и стихи Нины Владимировны Волькенау» [210].

¹⁰ См.: [Левинтон, Устинов, 2001, с. 329]. «Ириной Шнюспельпольд, отставной канцелярский заседатель из Бранденбурга» («Irenäus Schnüspelpold vormals Kanzleiassistent zu Brandenburg») – персонаж написанного Гофманом в 1821 г. квазиавтобиографического рассказа «Тайны» («Die Geheimnisse»).

¹¹ В отличие от других авторов «Гермеса», Волькенау избегала «шпетовской орфографии» (см. наше пояснение об орфографии «Гермеса»: [Левинтон, Устинов, 2001, с. 323]). Она писала «йотированные» суффиксы с «-и» вместо принятого в «Гермесе» написания с «-ь» и сохраняла двойные согласные в заимствованных словах, например, вторая «л» в слове «беллетрист» вписана в рецензии от руки. Дочь Г. Шпета Марина Шторх вспоминала: «Кстати, фамилия их тогда писалась как Шпетт. Это потом папа, который не выносил двойных согласных в русском языке, и даже те слова, которые положено было писать с двумя, писал с одним: Дикенс, Шилер, colega, вана, а когда корректоры правили, то злился и требовал устранить “замеченные опечатки” – одну букву “т” из фамилии убрал. Так он стал Шпетом» [Дочь..., 2014, с. 60]. См. также: [Левинтон, 2010, с. 467–468].

творчестве, как в эротических, так и в религиозных стихах. Маленькая книжка «Нового Гуля» разбивает эти опасения, показывая в полном блеске многие лучшие грани знакомого и любимого творчества.

Кузмин, как никто из наших современников, владеет тайной так называемой «музыкальности» стиха, не достигаемой никакой технико-умелой расстановкой гласных и согласных, и вызывающей неотразимое по своей непосредственности, почти физиологическое наслаждение. Словесно-звуковая грациозность, заостренная мастерством всегда остроумной рифмы, и ритма, и строфической изобретательностью, отчетливо и светло выражающие изящную и проникновенную нежность и своеобразную мудрость, – почти всегда любовно-окрашенную, – стройно сплетенную из пестрого опыта многих культур – все эти признаки подлинного для нас Кузмина чисто звучат в маленькой повести о любимом, похожем на кинематографического героя. Еще две характерные черты его творчества – соединение стихов в цикл, имеющий повествовательный характер, и своеобразная капризность, запутанность фабулы и деталей, напоминающая мельканье кинематографической ленты. Эта повествовательность обличает беллетриста, и именно такого, каким мы знаем Кузмина – насыщенного сюжетами, бросающего пригоршни пестрых, неоправленных блесков. Она совсем иного рода, чем то, что называют «повествовательностью» у ранней Ахматовой. У ней – не повесть, а новелла, четкая, непродолжаемая, вся данная в данном стихотворении; Кузмин же сам говорит:

«Но в легком беге повести моей
Нет стройности намека...»

Читатель может строить предположения, если он хочет – но может, забыв об этом биографическом или сфантазированном заднем фоне, воспринимать стихотворенье в его непосредственной, почти всегда целостной поэтической значимости. При наличии таковой эта прозреваемая за стихами ткань только обостряет новым, волнующим элементом эстетическое впечатление от стихов Кузмина – живое, светлое и пленительное.

Нина Волькенау.

iii. Максим Кенигсберг об «искусстве прозы и новеллы»

Помимо собственно рецензий, «посвященных специально или преимущественно М. Кузмину» [Левинтон, Устинов, 2001, с. 322], мы также привели в нашей работе подробный свод упоминаний его творчества на страницах «Гермеса». Например, фрагмент из отзыва Максима Кенигсберга в № 1 журнала на сборник рассказов Николая Гумилёва «Тень от пальмы», где имя Кузмина называется в достаточно красноречивом контексте:

За последние годы у нас постоянно можно было слышать жалобы на упадок прозы, но под этим, скорее всего, разумели падение искусства романа. Про новеллу как-то забыли. Причиной тому, быть может, было то, что после сверкающего таланта Чехова серой русской беллетристике, ставшей под его знамя, оставалось только перепевать и вульгаризировать его темы и мотивы. Рассказами были полны альманахи, сборники, толстые журналы, и этого казалось достаточно для спокойствия нашей критики. Она не привыкла серьезно смотреть на рассказ: в нем трудно было излить народную скорбь, воспеть народ-богоносец, призвать Ивана-Царевича и т.о. под-обное. А между тем мервингская глубина падения была ужасающей. В этой тьме работали над обновлением отдельные звезды – самые крупные:

Кузмин, Муратов, теперь, когда собранная воедино книжечка лежит перед нами, мы можем прибавить:> Гумилев (с. 130; цит. по: [Левинтон, Устинов, 2001, с. 324])¹².

Продолжая разговор о представленной в сборнике «малой прозе» Гумилёва, Кенигсберг ссылается на известную статью Бориса Эйхенбаума «О прозе Кузмина», напечатанную в сентябре 1920 г. в петроградской газете «Жизнь Искусства»: «Новеллы <Гумилева> итальянского и средневекового стиля я считаю явно-стилизаторскими. Это опыты, как склонен считать опытами Кузмина вещи вроде Эме-Лебефа или Джона Фирфакса Б. Эйхенбаум» (с. 132)¹³. Однако в этой статье Эйхенбаум именует Кузмина «мастером стилизации»:

Проповедник «кларизма», Кузмин выступил как мастер стилизации в своих авантюрных романах: «Приключения Эме Лебефа», «Путешествие сэра Джона Фирфакса», «Подвиги великого Александра». Никакой психологии, никакого быта, никаких тенденций, никакой современности. Скользящий по жизни, быстро развертывающийся роман приключений с его традиционными мотивами – кораблекрушением, невольничеством, переодеванием и пр. <...> Русская речь, звучащая по-французски. Сюжетные схемы взяты здесь готовыми и использованы как чисто стилистическое явление. Фабула обрывается – Кузмину не важно здесь ее завершение. Он вступает в литературу как стилист и как иностранец, потому что нужно заново почувствовать русскую речь и русскую литературу [Эйхенбаум, 1987, с. 349].

Не менее интересно упоминание Кенигсбергом среди «самых крупных» прозаиков, работающих над обновлением «новеллистического искусства», Павла Муратова (1881–1950), сборнику рассказов которого «Морали» (Берлин: Геликон, 1923) он посвятил одну из своих последних рецензий. Как и включенные в № 4 журнала отзывы Льва Горнунга на посмертную книгу стихотворений Н. Гумилёва «К синей звезде» (Берлин: Петрополис, 1923) и Нины Волькенау – на сборник Пастернака «Темы и варьации» (Берлин: Геликон, 1923), рецензия Кенигсберга была посвящена эмигрантскому изданию¹⁴. Более того, живому писателю-эми-

---

¹² Кенигсберг также упоминает Кузмина в своих статьях «Искусство и истина (в защиту и против реализма)» в № 2 «Гермеса» и «Заметки о рифме» в № 3 (см.: [Левинтон, Устинов, 2001, с. 326, 328]).

¹³ Кенигсберг цитировал Эйхенбаума вопреки «гермесовской» стратегии противостояния петроградскому ОПОЯЗу и вообще «формальному методу». Ср.: «В своей – весьма резкой – антиОПОЯЗовской полемике авторы “Гермеса” всегда отмечали особую позицию В. М. Жирмунского и (с меньшим основанием) Б. М. Эйхенбаума: по всей вероятности, для москвичей важны были не только теоретические позиции, но и выбор объектов анализа; ОПОЯЗ они непосредственно связывали с футуризмом, поэтому работы В. М. Жирмунского об акмеистах и Б. М. Эйхенбаума – об Ахматовой и Кузмине представлялись им отклоняющимися от основного направления формалистов» [Степанова, Левинтон, 1998, с. 515].

¹⁴ В № 3 Кенигсберг отозвался на сборник рассказов «Обман» (Берлин: Изд. Гутнова, 1923) Виктора Мозалевского (1889–1970), который пытался эмигрировать в 1921 г., но потерпел неудачу. Мозалевский входил в редколлегию № 3 «Гермеса» и опубликовал там рассказ «Милая ёлка» и две рецензии (под псевдонимом «Маврикий Фонтанов»). В № 4 «Гермеса» напечатана его «московская сказка» «Происшествие». См. дневниковые записи Л. Горнунга 4 января 1924 г.: «На Тихвинской вечером на заседании “Гермеса” Мозалевский читал 2 рассказа»; и 11 января: «Сегодня вечером мы устроили юбилейное заседание “Гермеса” по поводу выхода в свет уже трех номеров. Купили кое-какой выпивки и пригласили сотрудников. Сначала Борис <Горнунг> и Максим <Кенигсберг> сделали соответствующие доклады, затем Мозалевский читал пьесу» [Горнунг, 2019, с. 70, 73].

гранту – осенью 1922 г. Муратов отправился в командировку в Германию¹⁵, но решил не возвращаться и к концу следующего года, благодаря участию профессора Этторе Ло Гатто, обосновался в Риме¹⁶.

В портфеле «Гермеса» это был не единственный отзыв на книги Муратова: в № 1 была напечатана рецензия Семена Богдановского на его комедию «Кофейня» (с. 126–130)¹⁷, а в № 3 – рецензия Михаила Петровского на сборник «Магические рассказы» (с. 391–400). Обе книги были выпущены в 1922 г. московским книгоиздательством «Дельфин», в котором год спустя вышел сборник стихотворений «Ковш» Филиппа Вермеля, вскоре ставшего автором альманаха «Мнемозина» и составителем сборника «Чет и нечет», – двух последующих издательских антреприз круга «Гермеса».

Поскольку Кенигсберг поставил Муратова в один ряд с Кузминым, стоит напомнить, что Кузмину принадлежит отзыв на сборник Муратова «Герои и героини», вышедший в 1918 г. в том же самом книгоиздательстве «Геликон», правда, тогда еще московском. Как и потом Кенигсберг, Кузмин вспоминал в связи с Муратовым Уолтера Патера¹⁸:

---

¹⁵ См. сообщение в хронике библиографического журнала «Новая Русская Книга»: «Пав<ел> Павл<ович> Муратов приезжает в скором времени из Москвы в Германию» [Новая Русская Книга, 1922, с. 33]. В январе 1923 г. Муратов «читал свои произведения» в берлинском «Клубе писателей» (см.: Русская литературная и научная жизнь за рубежом [Новая Русская Книга, 1923, № 1, с. 37]), а вскоре «выехал из Берлина в Италию» (Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов [Новая Русская Книга, 1923, № 1, с. 46]). Этот номер журнала вышел только во второй половине марта (ср.: Дни. 1923. № 123, 25 марта, с. 14). Вернувшись в Берлин, 25 апреля он снова выступил в «Клубе писателей» с докладом «Пространство в литературе», в прениях по которому «участвовали Ю. И. Айхенвальд, Ф. А. Степун, В. Б. Шкловский и Н. А. Бердяев» [Новая Русская Книга, 1923, № 5/6, с. 43], и продолжил работу «над книгой “Живописцы Барокко”» [Там же, с. 52]. Однако надолго в Германии Муратов не задержался и переехал в Рим по приглашению и при содействии Э. Ло Гатто.

¹⁶ См.: [Ло Гатто, 1992, с. 33, 38–40].

¹⁷ Б. Горнунг вспоминал о его участии в «содружестве Camerata» и «в очень интимном семинарии М. А. Петровского по композиции новеллы»: «Работали там еще Д. Е. Михальчи и вновь появившийся на университетском горизонте товарищ мой, <А. И.> Ромма и М. М. <Кенигсберга> по 1918 году – С. Д. Богдановский. <...> Была еще другая общая работа боевого характера – семинарий П. Н. Сакулина по методологии истории литературы. Во главе с М. М. Кенигсбергом воевали мы против самого Сакулина и его приверженцев, стоявших на социологической точке зрения в изучении искусства. Так намечался кружок 10–12 лиц, создавший два с половиной месяца спустя содружество Camerata. Все бредили <Э. Т. А.> Гофманом <...>. Из современной русской литературы на первом плане стоял Михаил Кузмин. Мои и Ромма футуристические симпатии не были каким-либо диссонансом, так как не выдвигались нами особенно вперед (Пастернака же очень любил и М. М. <Кенигсберг>) и не мешали нам обоим увлекаться Гофманом или Кузминым...» [Горнунг, 2001, с. 347–348]. Подробнее о Семене Богдановском (1896–1951) см.: [Левинтон, 2008; <2009>]. В «неизданном» № 4 «Гермеса» Богдановский не печатался. См. запись Л. Горнунга 29 января 1924 г.: «Занес Нине на службу календарную доску, нарисованную мной. Смотрел у нее начало № 4. Появился Богдановский» [Горнунг, 2009, с. 78].

¹⁸ Ср. также в рецензии А. Бахраха в берлинской газете «Дни»: «Четыре рассказа, вошедшие в сборник “Морали” объединены лишь стилем своего художественного построения. Проводимая Муратовым линия для русской литературы весьма необычайна. Она род-

Необыкновенно привлекательная по внешности и по содержанию книжка производит культурное впечатление, как произведение человека с большим вкусом. Это ряд рассказов, объединенных довольно парадоксально идеею героизма. Самое это объединение и заглавие – единственная претенциозность, где вдруг почему-то не помог вкус. Все рассказы искусно построены, иногда нарочито анекдотически («Осада Левеллина», «Приключение Казановы», нерассказанное им самим»), написаны изысканно просто, имеют живописность и занятость, иногда очень острую («Мод Кемрон»). Автор нигде не впадает в дурной тон или вульгарность, но какая-то анемичность и отсутствие за простотой других свойств делают почти все рассказы бледноватыми. Впрочем, может быть, вина в этом лежит на образчике, с которого сделаны «Герои и героини», на Анри де Ренье, пленительная меланхолия которого так часто переходит в расслабление и малокровие. Ренье же неотступно вспоминается при чтении книги Муратова, равно как, просматривая «Образы Италии» того же автора, не отогнать мысли о Патере и Монье (особенно). Это приятное чтение, произведения культурного, начитанного человека, но не первые шаги, может быть и ошибочные, творчески одаренной натуры [Кузмин, 1918, с. 5]¹⁹.

Помимо рецензии Волькену на сборник «Новый Гуль», этот анализ новелл «одного из лучших наших современных прозаиков», как аттестовал его Кенигсберг, – единственный из материалов «неизданного» номера «Гермеса», где также говорится о Кузмине.

ственная пути Уолтера Патера в Англии, близка к Анри де Ренье или Марселю Швобу во Франции. Это прием тщательной и детальнейшей реконструкции... вымышленных биографий при некоем одновременном “заигрывании” с суровой музой Истории; где на фоне объективного, строго-научного исторического пейзажа, воссоздаваемого, быть-может, путем долгих библиотечных работ, начинают жить герои, являющиеся лишь измышлениями творческого таланта автора» [Бахрах, 1923, с. 13].

¹⁹ В 1926 г. парижское книгоиздательство «Возрождение» – “La Renaissance” выпустило новое издание «Героев и героинь», куда были включены все 4 рассказа из книги «Морали»: «Нищий рыцарь» (с. 5–20), «Тиранобийцы» (с. 31–44), «Морали» (с. 95–104) и «Валькирии» (с. 131–136). О близости двух сборников рассказов Муратова писал в своем отзыве А. Бахрах: «...новый небольшой сборничек “Морали”, по первому рассказу книги романтически озаглавленный именем встреченного Пушкиным в Одессе и ныне забытого “корсара в отставке”, какой-то новой заключительной чертой дополняет разносторонний облик талантливого писателя и придает законченную цельность его творческой характеристике. По существу “Морали” является лишь некоторым дополнением к старому собранию “Героев и героинь”, этому циклу необыкновенных жизнеописаний и портретов ни с кем не схожих людей» (Дни. 1923. № 190, 17 июня, с. 13). Три рассказа из сборника «Герои и героини» – «Конквистадоры», «Осада Левеллина», «Мод Кемрон» – были выпущены берлинским «Геликоном» в 1922 г. в виде отдельного издания, предшествовавшего «Морали». В развернутой рецензии на «Три рассказа» А. Ветлугин также писал о связи Муратова с Уолтером Патером: «Книги Муратова единственное явление в русской литературе последнего десятилетия. Муратову доступны те вершины эстетического восприятия культуры, на которых сгорают манерность, приподнятость, гурманство и остается редкая, трудная прекрасность. Идя вслед за Патером, Муратов в изучаемых им эпохах чувствует себя не коллекционером, не любителем бутафории и цитат (типа Мережковского), не фанатичным реконструктором, заботящимся лишь о точности воспроизведения фона; для Муратова дороже всего некая преемственность главной мысли, некая наследственность страдания, проходящие по всем эпохам христианства – от Петрония до английских миссионеров в Китае. И так как “главная мысль” – есть греза об активности и так как источник страдания есть кризис сознания (по слову Паскаля: *la maladie c'est l'état naturel d'un chrétien*), то все герои и героини Муратова даны им в разрезе противоречий борьбы за индивидуальность» [Ветлугин, 1922, с. 11–12].

<Павел> Муратов. Морали. Рассказы. «Геликон» Берлин 1923 стр. 87

История русского стиха после очистительного огня символизма вышла на открытую дорогу, и, что бы ни грозило теперь русской поэзии, искусство стиха никогда не потеряется в культурном разброде, если сумеет только сохранить завоевания последних двух десятилетий. Иное случилось с русской художественной прозой. Символизм, бывший в очень значительной мере стилизаторской школой, не сумел указать искусству прозы никаких путей, не мог дать ему тех необходимых: опор, которые были бы в состоянии поддержать странствия за созданием своего собственного стиля, вместо стилизации. В результате получилось что, когда уже кончился символизм, как течение, когда русское словесное искусство приступило к созданию индивидуальных школ и стилей вместо формальной борьбы эпохи символизма, проза осталась на распутье. Это, лучше всего, иллюстрируется положением самих символистов в отношении искусства прозы. Андрей Белый, пытавшийся в своих «Симфониях» найти новые пути прозаического творчества, не вышел в них за пределы лабораторных достижений; а в том, что составляло его подлинное «высокое» искусство, в своих романах вернулся к старому пути прозы, к Гоголю и Лескову, лишь освежив и обновив их несколько своими симфоническими достижениями. Михаил Кузмин, призывавший в своем манифесте «О прекрасной ясности» к обновлению прозы и давший недостижимые образцы стилизаторского искусства в своих авантюрных вещах, в своих романах продолжил пути Достоевского. Если сравнить с этим положением его пути, как стихотворца, разница получится убедительная. Лишь в самое последнее время проза его начинает как будто нащупывать какие то творчески совсем новые пути, но об этом говорить еще слишком рано. Всё говорит за то, что русская проза не может совершенно честно выйти за пределы ученичества и стилизаторства. Значит и не нужно, значит нужно также добросовестно искать путей, как добросовестны были пути искания стиховых совершенств. Уже в своей рецензии на рассказы Николая Гумилева я проводил сходные соображения *.

Ныне мне хотелось несколько остановиться на них и развить их в связи с творчеством одного из лучших наших современных прозаиков П. Муратова. Творчество Муратова шло совсем особым путем **, и этот особый путь безусловно отразился на характере его последней книжки рассказов, названной по имени первого рассказа «Морали», в чем, сдается нам, заложена некоторая, возможная игра на омографию и возможность смещения: «Морали» также могло бы быть заглавием этому сборнику. Характер муратовской стилизации в самом существе соответствующего акта отличается от характера стилизации, напр<имер> М. Кузмина. Муратов начал с того рода словесного искусства, которым так богата Франция и который в лице англичанина Патера нашел своего высочайшего представителя, и от этого рода он и подошел к чисто художественному творчеству. От художественной филологии Муратов перешел к филологическому искусству. Не было большой разницы для полученного комплекса, но было существенно различие соотношения внутренних форм: в одном случае центр внимания углубляется к фундирующим логическим формам, принимая поэтические лишь как момент украшающий, в другом – логические суть лишь необходимый скрепляющий фундамент, а всё внимание неизбежно сосредоточивается на формах поэтических. То же соотношение получается и в сфере предмета изложения: в одном случае внимание направлено к постижению исто-

* См. № 1 настоящего журнала, июль 1922 года. <Примеч. автора>

** Этот особый характер творческого развития Муратова отмечен М. А. Петровским в его рецензии на «Магические рассказы» в № 3-ем настоящего журнала, сентябрь 1923 года. <Примеч. автора.>

рической действительности, воссозданной в художественных формах, под прикрытием вымысла, в другом – вымысел является непосредственным предметом постижения, а усмотрение обосновавшей его исторической подлинности появляется лишь, как наследие усмотрения филологического акта, легшего в основание акта художественного. Эти отношения могут чрезвычайно осложняться: в качестве подлинности может выступать действительность сама по себе художественная, как например Рудин в рассказе «Смерть Рудина» (сборник «Герои и героини»), но ими во всяком случае определяется характер художественной школы Муратова и направление его стилизаций. Теперь уже смешно говорить и спорить о том, художественны или не художественны рассказы Муратова: для всякого ясна их несомненная художественность, хотя к счастью для них – далеко, конечно, не для всех выразителей современных художественных «сознаний» они окажутся приемлемыми.

Вновь вышедшая книга включает в себя четыре рассказа, в которых соотношение логических и поэтических форм, действительных и фиктивных предметов опять «перемешаны в несколько иной мере и чередуются в несколько иной последовательности, чем то обычно встречается». И всё же у нашего вдохновенного переводчика Патера редко его герои не бывают «тенями» «познавших» историческое бытие «сущест», пусть этим историческим бытием было в свою очередь бытие художественное. Первый рассказ книжки «Морали» изображает того бывшего корсара, которого пришлось Пушкину повстречать в бытность свою в Одессе и о котором кратко упомянуто в «Путешествии Евгения Онегина», в двух строчках, взятых Муратовым эпиграфом. С совершенно исключительным мастерством Муратов воссоздает образ корсара, пользуясь как материалом строчками путешествия Онегина, различными, может быть, воспоминаниями о Пушкине на юге России и, наверно, любовно запечатленными Бартевым чертами жизни великого поэта. Ресторатор Отон, оперы Россини, исполнявшиеся на сцене одесского театра, казино и проч., – всё это собрано заботливо Муратовым из пушкинских строк. Ни одна мелочь из пушкинских строк, которая могла бы помочь воссоздать образ забытого и не наделенного историей бессмертием корсара не была упущена Муратовым. И не напрасно, думается, так изумительно фрагментарен стиль рассказа: не проблема сюжета и повествования водила рукою автора, а проблема реконструкции. История переходит в вымысел, воссоздание в создание: «история не даровала ему бессмертия, которым наделил его вспомнивший о нем в деревенской глуши поэт». Так начинается творчество, но истоки его лежат в действительном, и перед нами не портрет, и не вполне художественное создание, а «воображаемый портрет». Чисто новеллистическое искусство в этом рассказе также затушевано, как бывает оно часто затушевано и в других вещах Муратова. В данном случае в угоду искусству реконструкции, как в некоторых рассказах из первого сборника, а не во имя психологического портрета, или стилистического задания, как в некоторых рассказах второго сборника.

Следующий рассказ сборника «Нищий рыцарь» есть изумительное воссоздание средневековья, по мастерству не уступающее сказкам Жюль Верна. Новеллистическое искусство Муратова находится в этом рассказе на высокой степени совершенства, находясь в то же время на ступени классической гармонии с нормами логическими. Может быть, еще более совершенной по своей пуэнтировке является следующая новелла сборника, «Тиранобийцы» с обычным проникновением Муратова воссоздающая «воображаемую» действительность итальянского ренессанса. Наконец, в последнем рассказе потрясающая римская доблесть германцев в последнюю войну нашла себе художественное воплощение в образе приват-доцента филолога, увидевшего перед смертью на поле брани лик Валькирии, за которую он принял изображение ангела на стене храма. В этом моменте ложного и вместе с тем истинного отождествления и лежит изумительно искусная пуэнтировка новеллы.

По повествовательному совершенству этот сборник, быть может, даже превосходит предшествующие в смысле законченности и строгости проведения новеллистического принципа.

Что же до тех общих соображений, которые высказаны в начале этой затянувшейся заметки, то несомненно, что творчество Муратова – это школа, прекрасная строгая школа, в которой складываются пути искусства прозы и новеллы, дошедшего почти до отрицания искусства в эпоху натуралистического провала. А настоящий стиль придет потом, ибо прийти он может, как это уже подчеркивалось неоднократно, после школы. Но эта школа создается не плагиатами и фольклорными заимствованиями, а подлинным перерождением тоскующего по творчеству и не выдающего путей, не получившего наследства духа.

18-го Февраля <1924 г.>, Москва.

Максим Кенигсберг.

2. Гумилёв в журнале «Гермес»: рецензия Льва Горнунга

Памяти Жени Степанова

В работе «Из истории литературной жизни 1920-х гг.: По поводу одной рецензии» К. М. Поливанов обращал внимание, что «накануне многолетнего запрета на упоминание Николая Гумилева вне заведомо негативных контекстов, в 1925 году» в московском альманахе «Чет и нечет: Альманах поэзии и критики» появилась рецензия Льва Горнунга (1902–1993) на посмертный сборник Н. Гумилева «К Си-ней Звезде» [Поливанов, 1992, с. 133]. Далее автор пояснял, по каким причинам, кроме очевидной немногочисленности откликов на эту книгу²⁰, может заслуживать внимания отзыв начинающего тогда поэта в малоизвестном альманахе, выпущенном как «авторское издание»:

Последняя рецензия интересна не только тем, что она принадлежит автору, для которого собирание материалов о Н. Гумилеве стало делом всей жизни, но и потому, что сам сборник «Чет и нечет» представляет собой единственное типографское издание московского круга поэтов и филологов, объединившихся вокруг машинописного журнала «Гермес», а затем вокруг машинописных же альманахов «Мнемозина» (1924) и «Гиперборей» (1926). В качестве эстетического направления этот круг ориентировался на по-своему понимаемый классицизм, который должен был, по их мнению, сменить предшествующую акмеистическую «эпоху» русской поэзии. И, как подчеркивается в работе, посвященной истории журнала «Гермес», именно Гумилев (причем поздний) участниками этого круга признавался образцово «классическим» поэтом [Там же, с. 133, 135]²¹.

---

²⁰ См. *Приложение*, включающее, в том числе, рецензию К. Мочульского, имевшего непосредственное отношение к изданию сборника (ср.: [Мочульский, 1999, с. 344–345]).

²¹ Автор имеет в виду следующее наблюдение: «Термин “классицизм”, действительно, является основным в формулировках литературных установок “Гермеса” <...>. “Классицизм” – в сущности будущая поэзия, по отношению к которой уже существующая поэзия акмеизма (и его предтечи – Анненский и Кузмин) представляет собою только первый по подготовительный этап. Пожалуй, полностью “классическим поэтом” большинство авторов журнала признавало только Гумилева (причем позднего)» [200]. Сам термин «класси-

Прежде чем Л. Горнунг опубликовал свою рецензию на «посмертный» сборник Гумилёва в альманахе «Чет и нечет», она была напечатана в соответствующем разделе «неизданного» № 4 «Гермеса», сразу же за отзывом Максима Кенигсберга на «Посмертные стихи» Иннокентия Анненского, повышенное внимание к которому можно объяснить наметившимся поздней осенью 1923 г. альянсом «Гермеса» с «Кифарой», московским объединением имени поэта²². «Сегодня годовщина Анненского, – записал Горнунг в дневнике 12 декабря 1923 г. – 15 лет со дня смерти. Собрались» [Горнунг, 2019, с. 63]. 21 декабря он сделал запись о заседании «Кифары», на котором читался перевод, позже напечатанный в «Гермесе»: «Сегодня в кружке Дементьев читал перевод “Carmina Priarea”» [Там же, с. 66].

26 декабря он в гостях впервые услышал о берлинском издании стихотворений Гумилёва: «У <Софы> Федорченко страшно уютно. В подвале убрано коврами, по стенам фарфор и старинные рисунки. <...> Тут впервые услышал мнение о “Синей звезде” – оказывается, <Филипп> Вермель читал ее и обещал мне достать, после моей просьбы» [Там же, с. 68]. Действительно, сборник скоро оказался у Горнунга. «Перепечатывал “К синей звезде”, – отметил он 4 февраля. – Вермель на день передал мне ее через <Александра> Ромма» [Там же, с. 80]²³.

В письме 3/5 сентября 1924 г. к Михаилу Кузмину, Б. Горнунг сделал оговорку о почтительном отношении своего брата к Гумилёву и об искреннем интересе к его творчеству:

Не случайно у меня после моего акмеизма 1921–22 годов, те невнятные стихи, которые я читал Вам прошлой осенью, и теперь после них устремления, которые привели меня к «Мнемозине», где я объединился с еще недавно далекими мне лицами. <...>

Вскоре после Вашего отъезда из Москвы этою весною мои давно подготовлявшиеся разногласия с «Гермесом» привели меня к выходу из его состава. <...> Я думал, что наши отношения с «Гермесом», который, как мне казалось, должен был попрежнему существовать и без меня, будут носить характер дружески-полеми-ческий. Но 30 июня скоропостижно скончался председатель редакции «Гермеса» М. М. Кенигсберг. Издание заканчивает свое существование, собираясь после 4-го номера выпустить только сборник статей памяти М. М. <...> Это положение, вызванное печальным обстоятельством смерти Максима Максимовича, позволило примкнуть к «Мнемозине» и части гермесовцев. Так близкими нашими сотрудниками становятся Н. В. Волькенау, которую Вы наверно помните, и даже мой брат, начинающий отходить от своего исключительного пизетта к покойному Н. С. Гумилеву [209]²⁴.

цизм» по отношению к одной из форм постсимволизма встречается и у В. Жирмунского, и у К. Мочульского.

²² О кружке «Кифара» см.: [Тименчик, 1993, с. 342–343; 2017, с. 150–152].

²³ См. также записи 9 февраля: «Сегодня печатал стихи Георгия Маслова для Венедиктова и продолжил “К синей звезде”», и 20 февраля, когда Горнунг подготовил перепечатанные копии сборника: «<Николай> Бернер, уходя, взял тоже экземпляр “К синей звезде”» [Горнунг, 2019, с. 82, 84].

²⁴ Ср. дневниковые записи Л. Горнунга 16 февраля: «Сегодня <Александр> Ромм сообщил мне, что в эту среду у <Петра> Зайцева (ни я, ни он не были там) читали новую поэму Гумилева, ненапечатанную, которую достали у издателя <Соломона> Абрамова. Меня это страшно заинтересовало, но поехать к Зайцеву сейчас же было некогда», – и два дня спустя: «...попался и Зайцев. Спросил о поэме, оказалось, “Два сна”, часть которой вошла в посмертную книгу» [Горнунг, 2019, с. 83–84].

В отличие от Нины Волькенау, которая, как уже отмечалось, придерживалась довольно нейтральной позиции по отношению к Гумилёву: «бывший и как теоретик, и как поэт главным мэтром для ядра редакции “Гермеса”» [200]²⁵, он ни разу не упомянут ни в одной из ее работ, – Горнунг сохранил «исключительный пиэтет к поэту» и после публикации своей рецензии о сборнике «К Синей Звезде», которая приводится здесь по № 4 журнала.

Н. Гумилев. «К синей звезде». Неизданные стихи 1918 г. «Петрополис». Берлин, 1923 г. стр. 74 + 4 нен<умерованных>.

То, что книга не доработана, особенно бросается в глаза при первом, беглом ее чтении, почему главную ценность она представляет для читателя, достаточно знающего творчество Гумилева на всем его протяжении. Сильно отличается она от других <его> книг своей ярко выраженной биографичностью, совершенно не свойственной в таком чистом виде предыдущим сборникам этого автора. Оттого, что десять стихотворений этого цикла в исправленной редакции были еще в 1918 году помещены в «Костре» самим автором, эта книга близка до некоторой степени своим духовным обликом именно к этому сборнику и безмерно далека от «Огненного Столпа».

Тема почти каждого стихотворенья в разбираемой книге взята исключительно интересно и оригинально, но в сыром виде. Из размеров преобладает пятистопный хорей, ставший излюбленным размером автора в последние годы его творчества. Вспомним хотя бы такие шедевры, как «Слово», «Память», «Звездный ужас» и др.

Ярким примером недоработанности служит стихотворенья, начинающиеся строфой:

Вероятно, в жизни предыдущей
Я зарезал и отца и мать,
Если в этой – Боже присносуший! –
Так позорно осужден страдать, –

конец которого совершенно испорченный, был бы несомненно исправлен автором впоследствии. Стихотворенья же «Мой альбом, где страсть сквозит без меры» с интересной темой и безжалостным сравнением своего будущего биографа с недоумевающим ослом, к сожалению, очень затянута.

Особенно интересным по своей теме является стихотворенья «В этот мой благословенный вечер», куда введены некоторые персонажи, созданные Гумилевым на своем творческом пути, как Гондла, Луи, Мик, Муза Дальних Странствий и др., под предводительством самого автора идущие вереницей к заветному окну.

Кончается оно так:

И пошли мы, пара вслед за парой,
Словно фантастический эстамп,
Через переулки и бульвары
К тупику близ улицы Декамп.

---

²⁵ Л. Горнунг выделял Гумилёва и в преломлении к другим поэтам, например, в дневниковой записи о чтении Б. Пастернака 12 марта 1924 г. в кружке П. Зайцева его интересует исключительно понимание Пастернаком Гумилёва: «Пастернак читал рассказ “Воздушные пути”. В перерыве, продолжая преню, не помню по какому поводу, соблаговолил упомянуть о Гумилеве, говоря, что у него “деланье осуществленья мастерства”. А так, в общем, вероятно, и знает-то его слишком мало» [Горнунг, 2019, с. 92].

Неужели мы Вам не приснились,
Милая с таким печальным ртом,
Мы, которые всю ночь толпились
Перед завешенным окном.

Особую пленительность представляют пьесы, написанные с одними женскими рифмами. Сюда относятся 22-е, 25-е и 28-е стихотворенья. Вот начало одного из них:

Так долго сердце боролось,
Слипались усталые веки,
Я думал, пропал мой голос,
Мой звонкий голос навеки.

и конец его:

Какой-то маятник злобный
Владеет нашей судьбою,
Он ходит, мечу подобный,
Меж радостью и тоскою.

Тот миг, что я песнью своею
Доволен – для Вас мученье...
Вам весело – я жалею
О дне моего рожденья.

28-е стихотворенье своим концом переключается с одним из помещенных в цикле «Капитаны» и отошедшего теперь уже в другую эпоху русской поэзии ²⁶.

Лучшими пьесами, может быть и случайно и субъективно, кажутся: «Много есть людей, что, полюбив», «Лишь черный бархат, на котором», «Так долго сердце боролось», и наконец следующее, которое мне хочется привести целиком:

Еще не раз Вы вспомните меня
И весь мой мир волнующий и странный,
Нелепый мир из песен и огня,
Но меж других единый необманный.

Он мог стать Вашим тоже, и не стал,
Его Вам было мало или много.
Должно быть плохо я стихи писал
И Вас несправедно просил у Бога.

Но каждый раз вы склόνитесь без сил
И скажете “я вспоминать не смею,
Ведь мир иной меня обворожил
Простой и грубой прелестью своею”.

Здесь заключена тема всей книги – тема преданной и неудовлетворенной любви.

Стихи эти первоначально были написаны в альбом и автором не предназначались для печати. В конце книги приложены примечанья, очень важные, но не избежавшие некоторых недостатков.

Лев Горнунг.

---

²⁶ Стихотворение «Ты пожалела, ты простила, / И даже руку подала мне...».

Со времени публикации обоих вариантов отзыва Горнунга эта посмертно изданная книга Гумилёва вызывала необоснованные сомнения и снискала слегка пренебрежительное отношение. Достаточно привести завиральный пассаж Ирины Одоевцевой из ее мемуарной беллетристики о том, что сам поэт этих стихов не ценил:

– Я застрял в Париже надолго и так до Салоник и не добрался. В Париже я прекрасно жил, гораздо лучше, чем прежде, встречался с художниками. С Гончаровой и Ларионовым я даже подружился. <...>

Ну и, конечно, влюбился. Без влюбленности у меня ведь никогда ничего не обходится. А тут я даже сильно влюбился. И писал ей стихи. <...>

Он подробно рассказывает о своем парижском увлечении, о всех перипетиях его и для иллюстрации читает стихи из «альбома в настоящий том», посвященные «любви несчастной Гумилева, в год четвертый мировой войны».

– Да, любовь была несчастной, – говорит он смеясь. – Об увенчавшейся победой счастливой любви много стихов не напишешь.

Он читает стихотворение за стихотворением. Он уже и раньше читал мне их. <...>

Голос его звучит торжественно и гулко в морозной, солнечной, хрупкой тишине <...> и не дочитав до конца, смотрит на меня улыбаясь <...>.

Гумилев, морщась, долго разжигает папиросу, закрывая ее рукой от ветра, потом, помолчав и уже изменившимся голосом, продолжает, глядя перед собой на покрытую снегом дорожку и на двух черных ворон, похожих на два чернильных пятна на белой странице.

– Я действительно был страшно влюблен... [Одоевцева, 1988, с. 116–117.]

Чрезмерно приукрашивая этот выдуманный монолог, Одоевцева преследовала цель придать вес другим посмертным изданиям стихотворений Гумилёва, выполненным на дилетантском уровне, зато отмеченным участием ее мужа Георгия Иванова, и заодно создать флёр сомнительности вокруг сборника «К Синей Звезде».

В отличие от продукции издательства «Мысль», к которой имел отношение Иванов, «Неизданные стихи 1918 года» были выпущены другим издательством под вдумчивой редакцией филолога и литературного критика Константина Мочульского (1892–1948), знавшего и ценившего Гумилёва и к тому же давнего знакомого семьи Елены Дю-Буше [Степанов, Устинов, 2011, с. 118].

Именно он и дал такое осмысленное название этому сборнику, что, пусть и нехотя, вынуждена была признать Одоевцева для придания ореола правдивости своему вымышленному повествованию: «Гумилев любил читать свои старые стихи, и напечатанные и те, которые он считал недостойными появиться в его книгах. Все их помнил наизусть. Так он не раз читал мне стихи, опубликованные уже в Париже <Берлине! – А. У.> после его смерти под названием “К Синей Звезде”, которое им дал Мочульский» [Одоевцева, 1988, с. 268–269].

Так как этот «подлинник» с мадригалами Гумилёва не обнаружен до сих пор, остается открытым вопрос, все ли записанные в альбом стихотворения вошли в подготовленную Мочульским книгу? Еще осенью 1925 г. Анна Ахматова при посредничестве Павла Лукницкого, выполнявшего тогда обязанности ее литера-

турного секретаря, обратилась с этим вопросом к Якову Бикерману (1898–1978), берлинскому коллекционеру гумилёвских рукописей ²⁷:

Милостивый Государь!

Анна Андреевна весной этого года находилась в санатории и больна до настоящего времени.

Ваше письмо было ей передано в конце лета. Ее болезненное состояние воспрепятствовало ей ответить Вам лично и поблагодарить Вас за присланный Вами отрывок стихотворения. Анна Андреевна поручила мне (я, под ее руководством, занимаюсь биографической работой) передать Вам ее благодарность и сообщить Вам неразобранные Вами строки.

Находящийся в Вашем распоряжении отрывок – часть ненапечатанной главы, потерянной при жизни поэта, поэмы «Два Сна». 3^{ья} глава этой поэмы была напечатана во 2^м издании посмертного сборника стихотворений (Петроград. «Мысль». 1923). Полный текст другой, ненапечатанной главы имеется у меня. В него входят и сообщаемые Вами строфы, но в более поздней редакции. <...>

Анна Андреевна просит Вас не отказать в любезности сообщить ей, не известно ли Вам, кому принадлежит альбом стихотворений, изданный Petropolis'ом, под названием «К Синей Звезде», и все ли стихотворения, имеющиеся в альбоме, включены в это издание?

Анна Андреевна решает обременить Вас также просьбой, сообщить ей заглавия или 1^е строчки всех, имеющихся в папке квартирохозяина стихотворных набросков.

Не откажите также сообщить адрес З. И. Гржебина, если он неизвестен Вам.

Анна Андреевна просит Вас принять уверения в ее совершенном уважении к Вам, и почтить вниманием ее исключительный интерес к осуществляемой Вами литературной работе.

Сообщаю Вам ее адрес:

Ленинград. Ул. Халтурина д. 5 кв. 12.

Искренне уважающий Вас

П. Лукницкий.

20. X. 25. [Тименчик, 2014, р. 195] ²⁸.

Сохранился черновик письма Бикермана, в котором, отвечая на вопросы Ахматовой, он, тем не менее, воздержался от подробного перечисления рукописей Гумилева, приобретенных им у адвоката Александра Цитрона, бывшего парижского квартирохозяина поэта ²⁹:

²⁷ См. публикацию материалов из собрания Я. Бикермана: [Степанов, Устинов, 2014].

²⁸ См. здесь: «Письмо только 28 ноября 1925 г. было отослано из Ленинграда по адресу: <Германия. Берлин.> Charlottenburg Sybelstrasse, 40. Н<ерн> Jacob Bickerman» (ср.: Amherst Center for Russian Culture, Jacob J. Bickerman Collection on Nikolai Gumilev, 1917–1931. Box 1, folder 3). Как следует из дневников Л. Горнунга, «ненапечатанная глава» из поэмы «Два сна» была получена им от П. Зайцева, в свою очередь получившего ее от С. Абрамова, владельца московского издательства «Творчество». «Зашел и взял у Зайцева “Два сна”, чтобы списать, – отметил Горнунг 19 февраля 1924 г. – Оказалось, неизданный отрывок. Ведь эта поэма растеряна еще при жизни автора» [Горнунг, 2019, с. 84]. См.: «Зайцев жил в доме № 5 по Староконюшенному переулку в подвальном этаже, где у него в квартире была довольно большая комната, в которой стал собираться наш поэтический кружок, названный “Зайцевским” по имени хозяина» [Устинов, 2002, с. 32].

²⁹ См.: [Ustinov, 1993, р. 299–302].

Мил<ая Анна Андреевна>.

Премного благодарен за сведения о «Двух снах», о которых я [знать не мог] не знал, т. к. до меня дошло только первое издание вычитываемых <?> мною стихотворений. Любезно присланные по Вашему поручению варианты помогли мне разобрать находящуюся [у меня] тут рукопись. Должен я, смею я обнародовать [находящийся тут] отрывок или Вам угодно печатать всю главу целиком и самой выбрать для того место и время?

Прочие отрывки, поскольку их удалось [разобрать] прочесть, приложены на отдельном листке.

Владельцы [стихотворений] [рукописей] альбома, [напечатанных] напечатанного Petropolis'ом [в <сборнике>] сборника под [назван<ием>] заглавие<м> <<К Синей> Зв<езде>>, предоставили эти рукописи издательству под условием, что они останутся неназванными. Мне известно только, что они [находятся] проживают сейчас в Париже. По заверениям Я. Н. Блоха, руководителя Petropolis'a, альбом использован полностью.

Место жительства З. И. Гржебина (Grjebine): Paris XVIe, rue Murat, 11.

Много женщин в этом мире
И мужчин ³⁰.

Это стихотворение Гумилёва «из черновой тетради», на зачине которого обрывается его письмо к Ахматовой, Бикерман опубликовал вместе с фрагментом из поэмы «Два сна» 26 августа 1926 г. к пятилетию расстрела поэта в парижской газете «Возрождение» [Два неизданных..., 1926, с. 3]. На первой полосе этого выпуска в качестве передовой статьи был дан очерк Петра Струве «Память о Н. С. Гумилеве», закреплявший отношение русской эмиграции к поэту:

Завтра день, когда от рук врагов России и ее национального призвания погиб великий патриот и большой поэт Н. С. Гумилев. Его, как «контр-революционера», расстреляли большевики. В этом событии, в боевом подвиге активного борца против большевизма и коммунизма есть нечто, духовно бодрящее и пророчески з<o>вущее. Мы не хотим и не должны лицемерить. Гумилев дорог нам и как крупное поэтическое дарование, и как человек, который в эпоху, когда столько людей погнулось и согнулось, выпрямился во весь рост и бросил вызов торжествовавшему хамскому злу.

В этом его слава, как человека русского, и наше утешение и ободрение.

В Гумилеве, как поэте, не всё устоялось и дошло до полной ясной красоты. Но в его творчестве есть большая, подчас смутная и жуткая, красота и есть та личная сила, которая так ярко сказала в его славном жизненном конце. <...>

Да будет память о честном поэте-муже Н. С. Гумилеве священным призывом и очистительным напоминанием [Струве, 1926, с. 1].

Бикерман также фигурировал в переписке Лукницкого с Л. Горнунгом. «Вслед за этой открыткой пошлю Вам заметку о Н. С. <Гумилеве> для Усова, – писал Лукницкий 8 апреля 1926 г. – Посылаю ее Вам, чтобы Вы могли снять копию для себя, и попрошу Вас передать подлинник ее по назначению. Бикерману вчерне письмо уже набросали, скоро напишем. Принялся за “Груды и дни” опять. Работы

---

³⁰ Amherst Center for Russian Culture, Jacob J. Bikerman Collection on Nikolai Gumilev, 1917–1931. Box 1, folder 4.

колоссально много...» [Н. С. Гумилев в переписке..., 1994, с. 538]³¹. В свою очередь, Л. Горнунг писал 2 июня 1926 г. о настоятельной необходимости обращения к берлинскому коллекционеру: «Скажите, писали ли Вы Бикерману в Париж и нет ли от него каких-нибудь новостей?» [Там же, с. 544.]

Лукницкий также оставил пометку о Бикермане в упоминавшихся «Трудах и днях» Гумилёва: «1918. <...> Уезжает из Парижа в Лондон. В Париже оставляет у квартирохозяина <А. Цитрона.– А. У.> часть своих вещей и папку бумаг. Оставляет также (у комиссара Временного правительства – Раппа (?)) – часть коллекций по искусству Востока). (А. А. Ахматова, [...] <Я. И.> Бикерман» [Лукницкий, 2010, с. 514].

Как отмечали комментаторы «Собрания сочинений» Гумилева, «у молодых русских читателей <19>20–30 гг. эти стихи пользовались несомненным успехом. Сохранились свидетельства того, что стихи КСЗ <из сборника “К Синей Звезде”. – А. У.> становились своеобразным любовным “кодом” <...> (см.: Горелик Г. Е., Френкель В. Я. Матвей Петрович Бронштейн...)» [Гумилев, 1999, с. 291]³². В ка-

³¹ В публикацию включено 43 письма из сохранившихся 118-ти.

³² Имеется в виду фрагмент воспоминаний Евгении Каннегисер (Genia Peierls; 1908–1986) о Матвее Бронштейне, написанных по просьбе авторов книги весной 1984 г.:

Я познакомилась с ним ранней весной, по-моему, 1927 года. Стояли лужи, чирикали воробьи, дул теплый ветер, и я, выходя из лаборатории где-то на Васильевском острове, повернулась к маленькому ростом юноше, в больших очках, с очень темными, очень аккуратно постриженными волосами, в теплой куртке, распахнутой, так как был неожиданно очень теплый день, и сказала: «Свежим ветром снова сердце пьяно». После чего он немедленно продекламировал всё вступление к этой поэме Гумилева. Я радостно взвизнула, и мы тут же по дороге в Университет стали читать друг другу наши любимые стихи. И, к моему восхищению, Матвей Петрович прочитал мне почти всю «Синюю звезду» Гумилева, о которой я только слышала, но никогда ее не читала.

Придя в Университет, я бросилась к Димусу <Дмитрию Иваненко. – А. У.> и Джонни <Георгию Гамову, он же George Gamow. – А. У.> – в восторге, что я только что нашла такого замечательного человека. Все стихи знает и даже «Синюю звезду»!

Вот как Матвей Петрович вошел в круг Джаз-банда [Горелик, Френкель, 1990, с. 26–27].

Е. Каннегисер была автором гимна физикам-теоретикам *Джаз-банда*, написанного «по мотивам “Капитанов” Гумилева»:

Вы все, паладины Зеленого Храма,
по волнам де Бройля держащие путь,
барон Фредерикс и Георгий де Гамов,
эфирному ветру открывшие грудь,

Ландау, Иваненко, крикливые братья,
Крутков, Ка-Тэ-Эфа ленивый патрон,
и ты, предводитель рентгеновской рати,
ты, Френкель, пустивший плясать электрон,

блистательный Фок, Бурсиан, Финкельштейн
и жидкие толпы студентов-юнцов,
вас всех за собою увлек А. Эйнштейн,
освистаны вами заветы отцов.

честве другого свидетельства была приведена альтернативная концовка рецензии Л. Горнунга в ее типографской версии: «Здесь, думается нам, заключена тема всей этой книги, грустной и задумчивой, как и “Костер”, от которого разгорелось и померкло искупительное пламя “Огненного столпа”» [Чет и нечет, 1925, с. 40].

Не всех Гейзенберга пленяют наркозы,
и Борна сомнителен очень успех,
но Паули принцип, статистика Бозе
в руках, в головах и в работах у всех.

Но пусть расползлись волновые пакеты,
еще на природе густая чадра,
опять не известна теория света,
еще не открыты законы ядра.

И в Цайтшрифте ваши читая работы,
где темным становится ясный вопрос,
как сладостно думать, что яростный Боте
для ваших теорий готовит разнос.

[Горелик, Френкель, 1990, с. 27–28].

**Рецензии на книгу: Н. Гумилев. К Синей Звезде. Неизданные стихи 1918 г.
(Берлин: Петрополис, 1923. – 74 + 4 нenum. с.; 14 × 10 см.)**

1. Юрий Офросимов в берлинской газете «Руль» (1923. № 845, 9 сент. (27 авг.). С. 8–9).

«К синей звезде». Небольшой сборник посмертных стихов Гумилева; стихотворения эти были написаны Гумилевым в альбом, во время пребывания поэта в Париже в 1918 г. <и> печатаются с подлинника.

«Синяя звезда» – это

Девушка с газельими глазами
Моего любимейшего сна,

а вся книжка эта – «монография»

О любви несчастной Гумилева
В год четвертый мировой войны.

В ней все основные черты творчества Гумилева. Внешне – это мастерство формы, выдержанный холод чеканного стиха, за которым поэт очень часто хочет скрыть прорывающуюся теплоту, погоня за красотой, в ущерб красоте.

Но иные строки, новые для Гумилева, убеждают своей простотой, прорывающейся неожиданно, и дают сполна жизненный облик той, которую поэт окрестил «Синей звездой».

Неизгладимый, нет, в моей судьбе
Твой детский рот и смелый взор девический,
Вот почему, мечтая о тебе,
Я говорю и думаю ритмически...

Или:

И ты меня забудешь скоро,
И я не стану думать, вольный,
О милой девочке, с которой
Мне было нестерпимо больно...

Или, наконец –

И, таинственный твой собеседник
Вот, я душу мою отдаю
За твой маленький, смятый передник,
За разбитую куклу твою...

Но Гумилев сам делит свое существо, всё «дарованное ему богами», на «воина» и на «поэта», причем «воин» следует на первом месте недаром: как относится Гумилев-воин к Гумилеву-поэту? – По-видимому, первый преобладает и не очень

поощряет переживание второго; он старается казаться возможно «ироничнее и суше».

«Точно по сердцу ступаешь ты» – сказано очень хорошо и сильно, но «роковая любовь» Гумилева не убеждает, в особенности после душевных, сгущенных блоковских строф, которые оказали несомненное влияние на иные строфы Гумилева. Это только манера, поза, которая чаще всего находит разрешение в ироническом отношении к своему чувствованию; напр<имер>: «мой мир» – говорит поэт –

Мог стать Вашим тоже и не стал
Его Вам было мало или много –
Должно быть, плохо я стихи писал
И Вас несправедливо просил у Бога –

это очаровательно, но после этого не принимаешь всерьез, что –

даже без ответа
Я отныне обречен тебе.

Да, должно быть, и сам Гумилев не верит этому, Гумилев-воин, характеризующий себя –

Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришел из другой страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.
Не по залам и по салонам
Темным платьям и пиджакам –
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам...
И умру я не на постели
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь страшной щели,
Утонувшей в густом плюще.

Ю. О.

2. *Константин Мочульский в парижском еженедельнике «Звено»* (1923. № 37, 15 окт. С. 4).

Примечание издательства: «Стихотворения настоящего сборника были написаны автором в альбом во время его пребывания в Париже в 1918 г. Часть этих стихотворений в новых вариантах была напечатана в сборнике “Костер” изд. З. И. Гржебина, Берлин 1923. Настоящий сборник печатается с подлинника, хранящегося в Париже».

Из тридцати четырех пьес, помещенных в этой книжке, восемь знакомы нам по «Костру», две – были напечатаны в «Звене».

Появление в свет двадцати четырех новых стихотворений покойного поэта огромная и неожиданная радость. Только теперь становится возможным научное изучение его творчества, исследование его поэтического развития. Эти посмерт-

ные стихи пригодятся не только для «полноты обзора»; они должны существенно повлиять на подходы к поэзии Гумилева. В них знакомый и дорогой нам голос «поэта и воина» звучит как-то по-другому: мы узнаём низкий металлический тембр его, важную неторопливость речи, – но сколько необычных, новых интонаций. Читаем строфы устойчивые, утвержденные, как памятник, нерасторжимые – аеге регениус, – и, в смущении, откладываем книгу. В этой «спокойной твердости» невыносимое напряжение, бешенное упорство! Никогда еще воля в стихах Гумилева не одерживала таких страшных побед.

Много говорилось о «меди», о «чеканке» его стихотворений. В новом сборнике расплавленная масса тонким слоем застыла на поверхности. Торжественностью ритма преодолено смятение. Воля для Гумилева – это ритм.

Цикл стихов, написанных в течение нескольких месяцев: одна тема – одна лирическая волна; пьесы связаны между собой образами и мелодией; озарены светом «спящей звезды». В огонь и звуки превращена любовь:

И умер я... и видел пламя,
Невиданное никогда,
Пред ослепленными глазами
Светилась синяя звезда.

Новый сборник ждет своего исследователя: литературная ценность «неизданных стихов» – велика. «Петрополис» издал с трогательной, почти благоговейной заботливостью эту поэму:

О любви несчастной Гумилева
В год четвертый мировой войны.

К. В.

Список литературы

- Аукционный Дом «Империя». Аукцион № 46. Автографы и первые издания Серебряного века из частного собрания И. Б. Жванецкого: Каталог. М.: ООО «Аукционный дом “Империя”», 2016. Ч. 2. 174 с.
- Ауслендер С.* Морозный поцелуй // Сибирская речь (Омск). 1919. № 5, 7 янв. С. 2–3.
- Бахрах А.* <Рец.> П. Муратов. Морали. Рассказы. Изд. «Геликон». Берлин. 1923 г. (91 стр.) // Дни (Берлин). 1923. № 190. 17 июня. С. 13.
- Богомолов Н.* К изучению поэзии второй половины 1910-х годов // Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения / Отв. ред. М. Чудакова. Рига: Зинатне, 1988. С. 174–183.
- Вермель Ф.* Ковш. Лирические стихи 1917–1938 / <Сост. Д. Вермель>. М., 1997. 102 с.
- [*Вермель Ф.*] Стихи и переводы Филиппа Вермеля / Сост. С. Виленский. М.: Возвращение, 2000. 288 с.
- Ветлугин А.* <Рец.> П. Муратов. Три рассказа. Изд-во «Геликон». Берлин. 1922 // Новая Русская Книга (Берлин). 1922. № 4. С. 11–12.
- Волькенау Н.* О творчестве О. Мандельштама / Публ. М. Горнунга // Сохрани мою речь / Сост. О. Лекманов, П. Нерлер, М. Соколова, Ю. Фрейдин. М.: РГГУ, 2000. Вып. 3, ч. 2. С. 164–174.
- Воробьева М.* Неизвестный «Гиперборей» // Библиофил. М.: Либерия, 2000. С. 177–183. (Приложение к журналу «Библиотека»)
- Восемьдесят восемь современных стихотворений, избранных З. Н. Гиппиус. Пг.: Огни, 1917. 96 с.
- Г<адзяцкий> С.* <Рец.> «ГЕРМЕС». Журнал. № 1. Москва. Июль. 1922 г. // Корабль (Калуга). 1923. № 7–8 (январь). С. 45.
- Гермес. М., 1922. № 1. [Машинописный журнал].
- Гермес. М., 1923. № 3. [Машинописный журнал].
- Гермес. М., 1924. № 4. [Машинописный журнал].
- Гиперборей. Вып. первый. М., 1926. [Машинописный альманах]. 102 с.
- Горелик Г., Френкель В.* Матвей Петрович Бронштейн. 1906–1938. М.: Наука, 1990. 270 с.
- Горнунг Б.* Поход времени: В 2 кн. / Сост. М. Воробьева. М.: РГГУ, 2001. 508 с. Кн. 1: Стихи и переводы. С. 1–190; Кн. 2: Статьи и эссе. С. 193–508.
- Горнунг Л.* «Свидетель терпеливый...»: Дневники, мемуары / Сост. Т. Нешумова. М.: АСТ, 2019. 761 с.
- Горнунг Л.* Мои воспоминания о профессоре Густаве Густавовиче Шпете / Комментар. К. Поливанова // Шестые Тыняновские чтения: Тез. докл. и материалы для обсуждения / Под ред. Е. Тоддеса. Рига; Москва, 1992. С. 172–185.
- Гумилев Н.* Полн. собр. соч.: В 10 т. / Отв. ред. Ю. Зобнин. М.: Воскресенье, 1999. Т. 3: Стихотворения. Поэмы (1914–1918). 464 с.
- Два неизданных отрывка Н. С. Гумилева // Возрождение (Париж). 1926. № 450, 26 авг. С. 3.
- Дочь философа Шпета в фильме Елены Якович: Полная версия воспоминаний Марины Густавовны Шторх. М.: АСТ, 2014. 218 с.

- Кенигсберг М.* Из стихологических этюдов: 1. Анализ понятия «стих» / Публ. С. Мазура, М. Шапира // *Philologica*. 1994. Vol. 1, no. 1/2. P. 149–185.
- Кузмин М.* <Рец.> <П.> Муратов. Герои и героини. Москва. Издательство «Геликон». 1918. Обложка В. Ходасевич. 6 р. 60 к. // *Жизнь искусства* (Пг.). 1918. № 8, 6 нояб. С. 5.
- Кузмин М.* «Высоко окошко над любовью и тлением...» / Публ. Н. Богомолова // *Наше наследие* (Москва). 1988. № 4. С. 71–78.
- Кузмин М.* Избранные произведения / Под ред. А. Лаврова, Р. Тименчика. Л.: Художественная литература, 1990. 573 с.
- Кузмин М.* Стихотворения / Под ред. Н. Богомолова. СПб.: Академический проект, 1996. 832 с. (Новая библиотека поэта)
- Левинтон Г.* Проза машинописного журнала «Гермес» (1922–1923) // Вторая проза: Сб. ст. / Ред. И. Белобровцева, С. Доценко, Г. Левинтон, Т. Цивьян. Таллин: TRÜ Kirjastus, 2004. С. 315–350.
- Левинтон Г.* К истории дописывания Пушкина: «Через неделю буду в Париже» (С. Д. Богдановский. Опыт окончания драматического отрывка А. Пушкина) // *Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea* / Ed. by Alexander Dolinin, Lazar Fleishman, Leonid Livak. Stanford, 2008. Part I. P. 319–335. (Stanford Slavic Studies. Vol. 35)
- Левинтон Г.* О московских букинистах 1910-х годов (очерк С. Д. Богдановского из журнала «Гермес») // Архив петербургской русистики. К 60-летию Павла Анатольевича Клубкова. <2009> URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/klubkov60/levinton.html>
- Левинтон Г.* Густав Шпет и журнал «Гермес» // Густав Шпет и его философское наследие: у истоков семиотики и структурализма. М.: РОССПЭН, 2010. С. 467–485.
- Левинтон Г., Устинов А.* Материалы о Кузмине в журнале «Гермес» // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика В. М. Жирмунского / Отв. ред. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2001. С. 322–334.
- Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания / Сост. Е. Лившиц, П. Нерлера; примеч. П. Нерлера, А. Парниса, Е. Ковтуна. Л.: Сов. писатель, 1989. 718 с.
- Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг.; Т. 1. Ч. 2. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. / Отв. ред. А. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 704 с.
- Ло Гатто Э.* Мои встречи с Россией / Под ред. Анны Ло Гатто Мавер. М.: Кругъ, 1992. 157 с.
- Лукницкий П.* Труды и дни Н. С. Гумилева / Общ. ред. Ю. Зобнина. СПб.: Наука, 2010. 890 с.
- Мнемозина. Альманах поэзии и критики. М., 1924. 73 + IV с. [Машинописный альманах].
- Мозалевский В.* Тропинки, пути, встречи (окончание) / Подгот. текста и коммент. А. Соболева // *Литературный факт*. 2019. № 3. С. 99–104.
- Морев Г.* К истории юбилея М. А. Кузмина 1925 года // *Минувшее: Исторический альманах*. 21. СПб.: Atheneum; Феникс, 1997. С. 351–375.
- Московская литературная и филологическая жизнь 1920-х годов: машинописный журнал «Гермес» / Подгот. М. Чудаковой, Г. Левинтона, А. Устинова // Пя-

тые Тыняновские чтения: Тез. докл. и материалы для обсуждения / Под ред. Е. Тоддеса. Рига: Зинатне, 1990. С. 167–210.

Мочульский К. Кризис воображения: Статьи. Эссе. Портреты / Сост. С. Федякин. Томск: Водолей, 1999. 415 с.

Н. С. Гумилев в переписке П. Н. Лукницкого и Л. В. Горнунга / Публ. И. Кравцовой (при участии А. Терехова) // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография / Сост. М. Эльзон, Н. Грознова. СПб.: Наука, 1994. С. 491–563.

Неопубликованное стихотворение Михаила Кузмина / Публ. Г. М<орева> // Русская мысль (Париж). 1990. № 3852, 2 нояб. (Литературное приложение № 11. Посвящается Михаилу Кузмину). С. II.

Новая Русская Книга (Берлин). 1922. № 7. 50 с.

Новая Русская Книга (Берлин). 1923. № 1. 58 с.; № 5/6. 62 с.

Одоевцева И. На берегах Невы: Литературные мемуары. М.: Худож. лит., 1988. 334 с.

Подгоричани Н., Графиня. Четки из ладана. Стихи / Сост. А. Кентлера, В. Нехотина. М.: Мосты культуры, 2015. 427 с.

Поливанов К. Из истории литературной жизни 1920-х гг.: По поводу одной рецензии // Н. Гумилев и русский Парнас: Материалы научной конференции 17–19 сентября 1991 г. / Сост. И. Кравцова, М. Эльзон. СПб.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 1992. С. 133–136.

Поливанов К. Машинописные альманахи «Гиперборей» и «Мнемозина». Указатель содержания // de visu. 1993. № 6. С. 46–49.

Русские поэты XX века: Материалы для библиографии / Сост. Л. Турчинский. М.: Знак, 2007. 704 с. (Studia poetica)

Самиздат века / Сост. А. Стреляный, Г. Сапгир, В. Бахтин, Н. Ордынский. Москва; Минск: Полифакт-МИГ, 1997. 1052 с.

Соболев А. Пишущая машинка в русской поэзии. Заметки к теме // История литературы. Поэтика. Кино: Сб. в честь Мариэтты Омаровны Чудаковой / Ред.-сост. Е. Лямина, О. Лекманов, А. Осповат. М.: Новое издательство, 2012. С. 380–399.

Соболев А. Мемуары Виктора Мозалевского // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 99–144.

Степанов Е., Устинов А. Николай Гумилев. Встречи в Париже в 1917–1918 годах (По материалам архивов Михаила Ларионова и Глеба Струве) // Наше наследие. 2011. № 100. С. 105–127.

Степанов Е., Устинов А. Николай Гумилев во Франции: Новые материалы // New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz / Ed. by Catherine Ciepiela and Lazar Fleishman. Stanford, 2014. Part I. P. 208–244. (Stanford Slavic Studies. Vol. 45)

Степанова Л., Левинтон Г. Из истории дантоведения: статья Д. С. Усова о переводе «Новой жизни» в «Гермесе» // Тыняновский сборник. Шестые – Седьмые – Восьмые Тыняновские чтения / Ред. Е. Тоддес. М., 1998. Вып. 10. С. 514–547.

Степанова Л., Левинтон Г. Из истории дантоведения в России (Неизвестная статья Усова о переводе «Новой жизни») // Язык, литература, эпос: К 100-летию со дня рождения академика В. М. Жирмунского / Отв. ред. Д. Лихачев. СПб.: Наука, 2001. С. 332–363.

Струве П. Память о Н. С. Гумилеве. К пятилетию его смерти // Возрождение (Париж). 1926. № 450, 26 авг. С. 1.

Тименчик Р. Два письма Анны Ахматовой // *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz* / Ed. by Catherine Ciepiela and Lazar Fleishman. Stanford, 2014. Part I. P. 191–207. (Stanford Slavic Studies. Vol. 45)

Тименчик Р. Культ Иннокентия Анненского на рубеже 1920-х годов // *Readings in Russian Modernism. To Honor Vladimir Fedorovich Markov* / Ed. by Ronald Vroon, John E. Malmstad. М.: Наука; Вост. лит., 1993. С. 338–348.

Тименчик Р. Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев / Ред. В. Нехотин. Москва; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2017. 772 с.

Тимофеев А. Прогулка без Гуля? (К истории организации авторского вечера М. А. Кузмина в мае 1924 г.) // Михаил Кузмин и русская культура XX века / Сост. и ред. Г. Морев. Л.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 1990. С. 178–196.

Toddes E., Чудакова М. Первый русский перевод «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и деятельность Московского Лингвистического Кружка (Материалы к изучению бытования научной книги в 1920-е годы) // Федоровские чтения. 1978. М.: Наука, 1981. С. 229–249.

Усов Д. «Мы сведены почти на нет...» / Под ред. Т. Нешумовой. М.: Эллис Лак, 2011. Т. 1: Стихи. Переводы. Статьи. 669 с.; Т. 2: Письма. 766 с.

Устинов А. Две жизни Николая Бернера // *Лица: Биографический альманах. 9* / Ред.-сост. М. Павлова, А. Лавров. СПб.: Феникс, 2002. С. 5–64.

Флейшман Л. Из архива Гуверовского института. Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве // *Stanford Slavic Studies. Stanford: Berkeley Slavic Specialties, 1987. Vol. 1. P. 15–70.*

Чет и нечет. Альманах поэзии и критики. М.: Авторское издание, 1925. 48 с.

Чичерин А. Сила поэтического слова. Статьи, воспоминания. М.: Сов. писатель, 1985. 319 с.

Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. 492 с.

Шапир М. М. М. Кенигсберг и его феноменология стиха // *Russian Linguistics. 1994. Vol. 18, no. 1 (March). P. 73–113.*

Шестаков Н. Стихи из цикла «Симбирские звери» / Публ. подгот. В. Нехотин // *Симбирскъ (Ульяновск). 2019. № 5–6. С. 58–60.*

Эйхенбаум Б. О литературе. Работы разных лет / Сост. О. Эйхенбаум, Е. Тоддес; коммент. Е. Тоддеса, М. Чудаковой, А. Чудакова. М.: Сов. писатель, 1987. 540 с.

Ustinov A. Two Episodes from the Biography of Nikolai Gumilev // *A Sense of Place: Tsarskoe Selo and its Poets. Papers from the 1989 Dartmouth Conference Dedicated to the Centennial of Anna Akhmatova* / Ed. by Lev Loseff and Barry Scherr. Columbus, Ohio, 1993. P. 297–311.

Архивы

Отдел рукописей Государственного литературного музея (ОР ГЛМ). Ф. 397. Оп. 2. Ед. хр. 435.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 613. Оп. 1. Д. 4466; Ф. 2813. Оп. 1. Ед. хр. 53.

Amherst Center for Russian Culture, Jacob J. Bikerman Collection on Nikolai Gumilev, 1917–1931.

References

- Auktsionnyy Dom “Imperiya”. Auktsion No. 46. Avtografy i pervye izdaniya Serebryanogo veka iz chastnogo sobraniya I. B. Zhvanetskogo [“Imperiia” Auction House. Auction No. 46]. Catalogue. Moscow, 2016, pt. 2, 174 p. (in Russ.)
- Auslender S. Moroznyy potseluy. *Sibirskaya rech’* [Siberian Talk], (Omsk), 1919, no. 5, 7 Jan., p. 2–3. (in Russ.)
- Bakhrakh A. <Rev.> P. Muratov. Morali. Rasskazy. Izd. “Gelikon”. Berlin. 1923 g. (91 str.). *Dni* [Days] (Berlin), 1923, no. 190, 17 June, p. 13. (in Russ.)
- Bogomolov N. K izucheniyu poezii vtoroy poloviny 1910-kh godov. In: Tynyanovskiy sbornik: Tret’i Tynyanovskie chteniya [Tynianov’s Collection. Third Tynianov’s Readings]. Ed. by M. Chudakova. Riga, Zinatne Publ., 1988, p. 174–183. (in Russ.)
- Chet i nechet. Al’manakh poezii i kritiki [Even and Odd]. Moscow, Avtorskoe izdanie, 1925, 47 p. (in Russ.)
- Chicherin A. Sila poeticheskogo slova. Stat’i, vospominaniya [Power of the Poetic Word]. Moscow, Sovetskiy pisatel’ Publ., 1985, 319 p. (in Russ.)
- Chudakova M. Zhizneopisanie Mikhaila Bulgakova [Mikhail Bulgakov, a Life]. Moscow, Kniga Publ., 1988, 492 p. (in Russ.)
- Doch’ filosaфа Shpeta v fil’me Eleny Yakovich: Polnaya versiya vospominaniy Mariny Gustavovny Shtorkh [Philosopher Shpet’s Daughter]. Moscow, AST; Corpus, 2014, 218 p. (in Russ.)
- Dva neizdannykh otryvka N. S. Gumileva. *Vozrozhdenie* [Renaissance] (Paris), 1926, no. 450, 26 Aug., p. 3. (in Russ.)
- Eihenbaum B. O literature. Raboty raznykh let [On Literature]. Comp. by O. Eihenbaum, E. Toddes; comment. by E. Toddes, M. Chudakova, A. Chudakov. Moscow, Sovetskiy pisatel’ Publ., 1987, 540 p. (in Russ.)
- Fleishman L. Iz arkhiva Guverovskogo instituta. Pis’ma Yu. G. Oksmana k G. P. Struve. In: Stanford Slavic Studies. Stanford, Berkeley Slavic Specialties, 1987, vol. 1, p. 15–70. (in Russ.)
- G<adzyatskiy> S. <Rev.> “GERMES”. Zhurnal. No. 1. Moskva. Iyul’. 1922 g. *Korabl’* [Ship] (Kaluga), 1923, no. 7–8 (January), p. 45. (in Russ.)
- Germes [Hermes]. Moscow, 1922, no. 1. [Mashinopisny al’manakh]. (in Russ.)
- Germes [Hermes]. Moscow, 1923, no. 3. [Mashinopisny al’manakh]. (in Russ.)
- Germes [Hermes]. Moscow, 1924, no. 4. [Mashinopisny al’manakh]. (in Russ.)
- Giperborey [Hyperborean]. Iss. 1. Moscow, 1926, 99 p. [Mashinopisny al’manakh]. (in Russ.)
- Gorelik G., Frenkel V. Matvey Petrovich Bronshtein. 1906–1938. Moscow, Nauka, 1990, 270 p. (in Russ.)
- Gornung B. Pokhod vremeni [March of Time]. In 2 books. Comp. by M. Vorobieva. Moscow, RSHU, 2001, 508 p., book 1: Stikhi i perevody, p. 1–190; book 2: Stat’i i esse, p. 193–508. (in Russ.)
- Gornung L. Moi vospominaniya o professore Gustave Gustavoviche Shpete. Comment. by K. Polivanov. In: Shestye Tynyanovskie chteniya. Tezisy dokladov i materialy dlya obsuzhdeniya [Sixth Tynianov’s Readings]. Ed. by E. Toddes. Riga, Moscow, 1992, p. 172–185. (in Russ.)
- Gornung L. “Svidetel’ terpelivyy...”: Dnevnik, memuary [“A Patient Witness”]. Comp. by T. F. Neshumova. Moscow, AST, 2019, 761 p. (in Russ.)

- Gumilev N. Complete Works. In 10 vols. Ed. by Yu. Zobnin. Moscow, Voskresen'e Publ., 1999, vol. 3: Stikhotvoreniya. Poemy (1914–1918), 464 p. (in Russ.)
- Kenigsberg M. Iz stikhologicheskikh etyudov: 1. Analiz ponyatiya "stikh". Publ. vy S. Mazur and M. Shapir. *Philologica*, 1994, vol. 1, no. 1/2, p. 149–185. (in Russ.)
- Kuzmin M. <Rev.> <P.> Muratov. Geroi i geroini. Moskva. Izdatel'stvo "Gelikon". 1918. Oblozhka V. Khodasevich. 6 r. 60 k. *Zhizn' iskusstva [Life of Art]* (Petrograd), 1918, no. 8, 6 Nov., p. 5. (in Russ.)
- Kuzmin M. "Vysoko okoshko nad lyubov'yu i tleniem...". Publ. by N. Bogomolov. *Nashe nasledie [Our Heritage]*, 1988, no. 4, p. 71–78. (in Russ.)
- Kuzmin M. Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. Eds. A. Lavrov, R. Timenchik. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, Leningradskoe otdelenie, 1990, 573 p. (in Russ.)
- Kuzmin M. Stikhotvoreniya [Poems]. Ed. by N. Bogomolov. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 1996, 832 p. (Series: Novaya biblioteka poeta) (in Russ.)
- Levinton G. Gustav Shpet i zhurnal "Germes". In: Gustav Shpet i ego filosofskoe nasledie: u istokov semiotiki i strukturalizma [Gustav Shpet and his Philosophical Heritage]. Moscow, ROSSPEN, 2010, p. 467–485. (in Russ.)
- Levinton G. K istorii dopisyvaniya Pushkina: "Cherez nedelyu budu v Parizhe" (S. D. Bogdanovskiy. Opyt okonchaniya dramaticheskogo otryvka A. Pushkina). In: Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea. Ed. by Alexander Dolinin, Lazar Fleishman, Leonid Livak. Stanford, 2008, part I, p. 319–335. (Stanford Slavic Studies. Vol. 35) (in Russ.)
- Levinton G. O moskovskikh bukinistakh 1910-kh godov (o cherk S. D. Bogdanovskogo iz zhurnala "Germes"). In: Arkhiv peterburgskoy rusistiki. K 60-letiyu Pavla Anatolievicha Klubkova [Archives of the Petersburg Russian Studies]. <2009> URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/klubkov60/levinton.html/>. (in Russ.)
- Levinton G. Proza mashinopisnogo zhurnala "Germes" (1922–1923). In: Vtoraya proza [Second Prose]. Coll. of articles. Eds. I. Belobrov'tseva, S. Dotsenko, G. Levinton, T. Tsviyanyan. Tallinn, TPÜ Kirjastus, 2004, p. 315–350. (in Russ.)
- Levinton G., Ustinov A. Materialy o Kuzmine v zhurnale "Germes". In: Materialy konferentsii, posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya akademika V. M. Zhirmunskogo [V. M. Zhirmunsky's Conference Materials]. Ed. by N. Kazanskiy. St. Petersburg, Nauka, 2001, p. 322–334. (in Russ.)
- Literaturnaya zhizn' Rossii 1920-kh godov. Sobytiya. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiya [Literary Life in the 1920s Russia]. T. 1. Ch. 1. Moskva i Petrograd. 1917–1920 gg.; T. 1. Ch. 2. Moskva i Petrograd. 1921–1922 gg. Ed. by A. Galushkin. Moscow, IMLI RAN, 2005, 704 p. (in Russ.)
- Livshits B. Polutoraglazyy strelets: Stikhotvoreniya, perevody, vospominaniya [Half-Eyed Archer]. Comp. by E. Livshits, P. Nerler; comment. by P. Nerler, A. Parnis, E. Kovtun. Leningrad, Sovetskiy pisatel', 1989, 718 p. (in Russ.)
- Lo Gatto E. Moi vstrechi s Rossiey [My Encounters with Russia]. Ed. by Anna Lo Gatto Maver. Moscow, Krug, 1992, 157 p. (in Russ.)
- Luknitskiy P. Trudy i dni N. S. Gumileva [Gumilev's Days and Labors]. Ed. by Yu. Zobnin. St. Petersburg, Nauka, 2010, 890 p. (in Russ.)
- Mnemozina. Al'manakh poezii i kritiki [Mnemosyne]. Moscow, 1924, 73 + IV p. [Mashinopisnyj al'manah]. (in Russ.)
- Mochulskiy K. Krizis voobrazheniya: Stat'i. Esse. Portrety [Crisis of Imagination]. Comp. by S. Fedyakin. Tomsk, Vodoley Publ., 1999, 415 p. (in Russ.)

Morev G. K istorii yubileya M. A. Kuzmina 1925 goda. In: *Minuvshee: Istoricheskiy al'manakh* [Past], 21. St. Petersburg, Atheneum, Feniks, 1997, p. 351–375. (in Russ.)

Moskovskaya literaturnaya i filologicheskaya zhizn' 1920-kh godov: mashinopisnyy zhurnal "Germes". Prep. by M. Chudakova, G. Levinton, A. Ustinov. In: *Pyatye Tynyanovskie chteniya. Tezisy dokladov i materialy dlya obsuzhdeniya* [Fifth Tynianov's Readings]. Ed. by E. Toddes. Riga, Zinatne Publ., 1990, p. 167–210. (in Russ.)

Mozalevskiy V. Tropinki, puti, vstrechi (okonchanie). Prep. and comment. by A. Sobolev. *Literaturnyy fakt* [Literary Fact], 2019, no. 3, p. 99–104. (in Russ.)

N. S. Gumilev v perepiske P. N. Luknitskogo i L. V. Gornunga. Publ. by I. Kravtsova (with the participation of A. Terekhov). In: *Nikolay Gumilev. Issledovaniya i materialy. Bibliografiya* [Nikolai Gumilev. Studies and Documents]. Comp. by M. Elzon, N. Groznova. St. Petersburg, Nauka, 1994, p. 491–563. (in Russ.)

Neopublikovannoe stikhotvorenie Mikhaila Kuzmina. Publ. by G. M<orev>. *Russkaya mysl'* [Russian Thought], 1990, no. 3852, 2 Nov. (Literaturnoe prilozhenie. No. 11. Posvyashchaetsya Mikhailu Kuzminu), p. II. (in Russ.)

Novaya Russkaya Kniga [New Russian Book] (Berlin), 1922, no. 7, 50 p. (in Russ.)

Novaya Russkaya Kniga [New Russian Book] (Berlin), 1923, no. 1, 58 p.; no. 5/6, 62 p. (in Russ.)

Odoevtseva I. Na beregah Nevy: Literaturnye memuary [On the Banks of the Neva]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1988, 334 p. (in Russ.)

Podgorichani N., Grafinya. Chetki iz ladana. Stikhi [Rosary Made of Olibanum]. Comp. by A. Kentler, V. Nekhotin. Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2015, 427 p. (in Russ.)

Polivanov K. Iz istorii literaturnoy zhizni 1920-kh gg.: Po povodu odnoy retsenzii. In: *N. Gumilev i russkiy Parnas. Materialy nauchnoy konferentsii 17–19 sentyabrya 1991 g.* [Nikolai Gumiliov and the Russian Parnassus]. Comp. by I. Kravtsova, M. Elzon. St. Petersburg, Muzey Anny Akhmatovoy v Fontannom Dome, 1992, p. 133–136. (in Russ.)

Polivanov K. Mashinopisnye al'manahi "Giperborey" i "Mnemozina". Ukazatel' soderzhaniya. *de visu*, 1993, no. 6, p. 46–49. (in Russ.)

Russkie poety XX veka: Materialy dlya bibliografii [Russian Poets of the 20th Century]. Comp. by L. Turchinskiy. Moscow, Znak Publ., 2007, 704 p. (Series: *Studia poetica*) (in Russ.)

Samizdat veka [Samizdat of the Century]. Comp. by A. Strelyanyj, G. Sapgir, V. Bakhtin, N. Ordynskiy. Moscow, Minsk, Polifakt-MIG Publ., 1997, 1052 p. (in Russ.)

Shapir M. M. M. Kenigsberg i ego fenomenologiya stikha. *Russian Linguistics*, 1994, vol. 18, no. 1 (March), p. 73–113. (in Russ.)

Shestakov N. Stikhi iz tsikla "Simbirskie zveri". Prep. by V. Nekhotin. *Simbirsk* (Ulyanovsk). 2019, no. 5–6, p. 58–60. (in Russ.)

Sobolev A. Memuary Viktora Mozalevskogo. *Literaturnyy fakt* [Literary Fact], 2019, no. 2 (12), p. 99–144. (in Russ.)

Sobolev A. Pishushchaya mashinka v russkoy poezii. Zametki k teme. In: *Istoriya literatury. Poetika. Kino: Sbornik v chest' Marietty Omarovny Chudakovoy* [History of Literature. Poetics. Cinema]. Ed. and comp. by E. Lyamina, O. Lekmanov, A. Ospovat. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2012, p. 380–399. (in Russ.)

Stepanov E., Ustinov A. Nikolay Gumilev vo Frantsii: Novye materialy. In: *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz*. Eds. Catherine Ciepiela and Lazar Fleishman. Stanford, 2014, part I, p. 208–244. (Stanford Slavic Studies. Vol. 45) (in Russ.)

Stepanov E., Ustinov A. Nikolay Gumilev. Vstrechi v Parizhe v 1917–1918 goda kh (Po materialam arkhivov Mikhaila Larionova i Gleba Struve). *Nashe nasledie [Our Heritage]*, 2011, no. 100, p. 105–127. (in Russ.)

Stepanova L., Levinton G. Iz istorii dantovedeniya v Rossii (Neizvestnaya stat'ya Usova o perevode “Novoy zhizni”). In: *Yazyk, literatura, epos: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika V. M. Zhirmunskogo [Language, Literature, Epos]*. Ed. by D. Likhachev. St. Petersburg, Nauka, 2001, p. 332–363. (in Russ.)

Stepanova L., Levinton G. Iz istorii dantovedeniya: stat'ya D. S. Usova o perevode “Novoy zhizni” v “Germese”. In: *Tynyanovskiy sbornik. Shestye – Sed'mye – Vos'mye Tynyanovskie chteniya [Tynianov's Collection]*. Ed. by E. Toddes. Moscow, 1998, iss. 10, p. 514–547. (in Russ.)

Struve P. Pamyat' o N. S. Gumileve. K pyatiletiyu ego smerti. *Vozrozhdenie [Renaissance]* (Paris), 1926, no. 450, 26 Aug., p. 1. (in Russ.)

Timenchik R. D. Dva pis'ma Anny Akhmatovoyj. In: *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz*. Eds. Catherine Ciepiela and Lazar Fleishman. Stanford, 2014, part I, p. 191–207. (Stanford Slavic Studies. Vol. 45) (in Russ.)

Timenchik R. D. Kul't Innokentiya Annenskogo na rubezhe 1920-kh godov. In: *Readings in Russian Modernism. To Honor Vladimir Fedorovich Markov*. Eds. Ronald Vroon, John E. Malmstad. Moscow, Nauka, Vostochnaya literatura, 1993, p. 338–348. (in Russ.)

Timenchik R. Podzemnye klassiki: Innokentiy Annenskiy. Nikolay Gumilev [Underground Classics]. Ed. by V. Nekhotin. Moscow, Jerusalem, Mosty kul'tury, Gesharim, 2017, 772 p. (in Russ.)

Timofeev A. Progulka bez Gulya? (K istorii organizatsii avtorskogo vechera M. A. Kuzmina v mae 1924 g.). In: *Mikhail Kuzmin i russkaya kul'tura XX veka [Mikhail Kuzmin and Russian Culture of the 20th Century]*. Comp. and ed. by G. Morev. Leningrad, Muzei Anny Akhmatovoy v Fontannom Dome, 1990, p. 178–196. (in Russ.)

Toddes E., Chudakova M. Pervyy russkiy perevod “Kursa obshhey lingvistiki” F. de Sossyura i deyatel'nost' Moskovskogo Lingvisticheskogo Kruzhka (Materialy k izucheniyu bytovaniya nauchnoy knigi v 1920-e gody). In: *Fedorovskie chteniya [Fedorov's Readings]*. 1978. Moscow, Nauka, 1981, p. 229–249. (in Russ.)

Usov D. S. “My svedeny pochti na net...” [“We Are Brought to Almost Zero...”]. Ed. by T. Neshumova. Moscow, Ellis Lak, 2011, vol. 1: Stikhi. Perevody. Stat'i, 669 p.; vol. 2: Pis'ma, 766 p. (in Russ.)

Ustinov A. Dve zhizni Nikolaya Bernera. In: *Litsa: Biograficheskiy al'manakh [Faces]*, 9. Ed. and comp. by M. Pavlova and A. Lavrov. St. Petersburg, Feniks Publ., 2002, p. 5–64. (in Russ.)

Ustinov A. Two Episodes from the Biography of Nikolai Gumilev. In: *A Sense of Place: Tsarskoe Selo and its Poets. Papers from the 1989 Dartmouth Conference Dedicated to the Centennial of Anna Akhmatova*. Eds. Lev Loseff and Barry Scherr. Columbus, Ohio, 1993, p. 297–311.

Vermel F. Kovsh. *Liricheskie stikhi 1917–1938* [Dipper]. Moscow, 1997, 102 p. (in Russ.)

[Vermel F.] *Stikhi i perevody Filippa Vermelya* [Filipp Vermel's Poems and Translations]. Comp. by S. Vilenskiy. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 2000, 288 p. (in Russ.)

Vetlugin A. <Rev.> P. Muratov. *Tri rasskaza*. Izd-vo "Gelikon". Berlin. 1922. *Novaya Russkaya Kniga* [New Russian Book] (Berlin), 1922, no. 4, p. 11–12. (in Russ.)

Volkenau N. *O tvorchestve O. Mandelshtama*. Publ. by M. Gornung. In: *Sokhrani moyu rech'* [Save my words]. Comp. by O. Lekmanov, P. Nerler, M. Sokolova, Yu. Freydin. Moscow, RSHU Publ., 2000, iss. 3, pt. 2, p. 164–174. (in Russ.)

Vorobieva M. *Neizvestny "Giperborey"*. In: *Bibliofil* [Bibliophile]. Moscow, Libereya, 2000, p. 177–183. (Prilozhenie k zhurnalu "Biblioteka") (in Russ.)

Vosem'desyat vosem' sovremennykh stikhotvoreniy, izbrannykh Z. N. Gippius [88 Contemporary Poems]. Petrograd, Ogni Publ., 1917, 96 p. (in Russ.)

Archives

State Literary Museum. Department of Manuscripts. The Fond 397. Inventory 2. Storage unit 435.

Russian State Archives of Art and Literature. The Fond 613. Inventory 1. Case 4466; The Fond 2813. Inventory 1. Storage unit 53.

Amherst Center for Russian Culture, Jacob J. Bikerman Collection on Nikolai Gumilev, 1917–1931.

Сведения об авторе

Устинов Андрей Борисович – доктор филологических наук, директор книгоиздательства «Аквилон» (Сан-Франциско, США)

abooks@gmail.com

ORCID 0000-0002-8468-4854

Information about the Author

Andrei B. Ustinov – PhD, Dr. Hab.; philologist; Director of the "Aquilon" Books & Publishing (San Francisco, USA)

abooks@gmail.com

ORCID 0000-0002-8468-4854